

Дмитрий Москалев

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Рукотворный рай

Дмитрий Николаевич Москалев

Рукотворный рай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29410793

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-11324-4

Аннотация

История повествует о мальчике, беспризорнике, выживающем в холодном и жестоком мире послевоенных лет, который в силу нищеты вынужден скитаться по необъятным просторам страны, в поиске спасения и крошки хлеба. Эта книга рассказывает о борьбе неокрепшей души, беспомощной и хрупкой, с голодом и человеческим злом. И кто же победил в этой борьбе – решать Вам.

Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Москалев

Рукотворный рай

Глава 1.

Вокзал. Вечер.

Свет уличных желтых фонарей освещал угрюмую станцию. Стоял туман, и лучи света били вверх столбами до самого неба.

Уже много воды утекло с рождения того самого мальчика, о котором пойдет рассказ.

Время случившейся человеческой жестокости постепенно отступало, на смену ей приходила эпоха надежды и всемирного успокоения. Эпоха переосмысления, а для кого-то тяжелое похмелье. Скорбь, ненависть – забывались, народ ждал перемены во всем, даже в себе.

Менялось все, как сами люди, так и их нравы, их дети и внуки, которые изменяли идеалам стариков, их верованиям, так менялись и ценности, здания, фасады их, росли деревья ввысь и все шире и шире росла человеческая душа.

Не менялись и не преображались лишь городские улицы, которые оставались все такими же грязными и черными, готовыми всегда затянуть в себя, пожрать, переварить, словно в котле любую пропавшую душу, потерявшую все, либо ничего и не имевшую.

Дикие улицы принимали в себя тысячи душ, старых, увядающих – стариков, либо ещё не окрепших, ещё совсем маленьких – детей.

Они жевали их, потом выплевывали в какую-нибудь канаву, на обочину. Подъезжала телега, с неё спрыгивал человек, загружал тело и отвозил на кладбище, где труп закапывали в общей могиле, после диагноза врача – переохлаждение, умер от голода и т.п. только на своем медицинском языке им понятном.

После же о замученной душе уже никто никогда не вспоминал. Никто не принесет таким цветов на могилу, никто её не посетит, кроме самого очерстневшего могильщика, но который всякий раз роняет слезу досады и обиды, при виде маленького холодного дешевого гроба с телом.

Гостеприимство улиц пугало. Пугало своим холодом, ветром, пронизывающим лохмотья насквозь, словно своими длинными щупальцами, промокшими ногами, словно ты живешь в каком-то вечном болоте.

Улица, питалась погибшими душами, она ими жила, становясь живой, и в самый пик бед, гостеприимство её становилось поистине пугающих размеров, до того, что выпустить из своих объятий своих детей уже не могло, да и не хотела, и считала своим материнским долгом, истинным подлинным долгом воспитать их, вскормить, поставив на их лице клеймо – «я вырос на улице». Со стариками же она обходилась бесцеремонно, даже ей они были не нужны.

Чем же детей так манила улица? Когда ничем не обременен – дышится свободно, полной грудью, ощущается запах свободы, её вкус... Когда нет родителей, только улица тебя примет.

Да, город с вокзалом являлись клеткой для слабых, а сильные, в свою очередь, пользуясь их бессилием, старались всячески на этом заработать, иногда не обращали никакого внимания на ужас улиц.

Одно из тех вещей, что душит человека – безразличие. Воцарилось безразличие к страданиям других, милосердие ещё не проникло в сердца простого люда – каждый хотел выжить, думал только о своем спасении. Мир оказался разрушенным, ещё не воскрешенным из пепла, обессиленным. Воцарилось безразличие – и исчез человек. Безразличие ушло – и человек воскрес, словно и не было безразличия.

Глава 2.

Пробило пятнадцать минут пятого вечера.

Ничего сверхъестественного вновь не произошло и мир, хрупкий мир, не перевернулся, земля под ногами не оставилась, не замедлила свой бег по орбите, время не изменилось, не исказилось и не ускорилось, но уже не слышался шум приближающихся или уезжающих поездов, некоторые из них стояли, дожидаясь команды диспетчера на отправку в свой бесконечный и замкнутый путь.

Через открытые нараспашку двери толпа валила наутек.

Она имела озабоченный облик, обеспокоенный вид, кто-то убегал, спешил, ускоряя шаг, терялся, или же стоял, смотря по сторонам, ища кто-то, не зная, что делать и куда идти дальше. Кто-то ждал и рассчитывал на чью-то помощь.

Вся сцена представляла собой сборище, состоящее из рабочих, бродяг, малограмотных крестьян, а иногда совсем не умеющих ни читать, ни писать, а также образованных инженеров, учителей с большими чемоданами. В этот день было многолюдно, поезд задержался в пути и пришел с запозданием.

В духе своем – толпа состояла из самых обыкновенных людей, устроивших бардак на перроне, свалку интересов, вавилонское столпотворение, в которое чья-то неизвестная рука художника вносила свою каплю каламбура, суматохи. И капля за каплей, стекались в одно единое рукотворное море – вокзал.

–Тетя, тетенька, милая, подождите, накормите, дайте копеечку сироте, умру, кушать хочу! – кричал детский охрипший голос ребенка, вслед проходящей мимо женщине. Затем маленькая слабая ручка схватила её за рукав и потянула на себя, – кушать хочу, подайте копеечку!

Гул толпы приглушал голос тетки. Мальчик тем временем ничего не расслышал.

–Тетенька, добрая, не оставьте умирать, – молил он её, дергая за руку.

– Пошел прочь, отстань от меня! – женщина брезгливо огрызнулась и одернула рукав, вырвав его из тонких пальчиков мальчика, – дурак вшивый, пошел отсед! Какая я тебе тетя? – мальчик успел увидеть сверкающий яростный взгляд, на лбу отразились морщины, а лицо показалось ему столь омерзительным, что ему захотелось плакать и убежать, но он не смел.

Удар пришелся по голове, как оказалось толстая рука, злой тучной женщины, скрывающей свои свиные складки под пальто, оказалась тяжелой до того, что мальчик ошеломленный свалился на землю.

Прищурив глаза, тетка затопала, плюнула и завизжала:

– Сбесился, выродок? – затем прошипела как змея, – ты заработал копейку, скотина? Заслужила-а-а? – она протянула «а-а-а», так, что губы её задрожали, оголив гнилые черные зубы. Ещё раз плюнула, поморщилась, желая как можно сильнее оскорбить беззащитного мальчика.

– Пошел к черту, кому говорят! – её голос стал более спокойным, она подняла сумки с земли, осмотрелась испуганно, как бы её не увидели в таком положении и хотела было уйти прочь.

– Тетенька, – прохрипел мальчик, кушать хочу, за что вы меня так? – он смотрел ей глаза, от сверлящего ненавистного взгляда женщины ему стало страшно и гадко. Он в последний раз протянул к ней свою ладонь.

– А мне п-евать, – сухо ответила женщина, слюна не позво-

лила ней выговорить «плевать», она сглотнула, вздохнула, – пошел к чертям, я тебе говорю, вас сотни таких, а я одна! – возмутилась она.

При желании, можно простить поведение особе, найти ей оправдание, ведь её поведение, есть следствие накопленных обид, неудач и катастроф, вполне закономерных, но иногда и несправедливых. Ещё молодой, дурной внешне, и совсем далекой умственно, она потеряла единственного ухажера, а в будущем её мужа, который был в её жизни (и даже вполне заслуженно) единственной любовью и опорой. До сорока она жила вдовой, без детей, которых не любила, и поэтому и не имела. Все казалось просто, но мальчик обижено убрал руку, вздохнул, вытер слезу грязной ладонью.

Не издав ни звука, ни писка, даже не всхлипнув, сирота сжал скулы, со временем, ему стали безразличны удары, унижения и оскорбления, прожив несколько лет на улице, его характер похолодел, любые нападки на него, он воспринимал как обычную агрессию улицы.

Приподнявшись с холодного бетона, мальчик подполз и дотянулся до, слетевшей с головы в сторону, шапки. Схватил её и натянул на замершие уши. Сам того не заметив, он оказался среди ног вырвавшихся из поезда пассажиров. Никто не обращал внимания на ползавшего мальчика, словно он был каким-то невидимым насекомым, лишь одна молоденькая симпатичная девушка, вскрикнула, закрыв рот руками: –Ай, кто это? – она вмиг исчезла в толпе, растворившись

словно тень в полдень, вскоре забыв о случившемся с ней на вокзале, но не раз рассказывая подругам о странном ползающем привокзальном существе.

Мальчик закричал, когда ему на руку наступил тяжелый сапог. Его крик являлся выражением скорее обиды, чем боли, его сердце настиг испуг, его задавят, сомнут! Безжалостная толпа руководствовалась инстинктом, давя все на своем пути, словно поток реки, который невозможно повернуть вспять.

Крик должен был остановить толпу, она бы замерла, дыхание остановилось бы, но он растворился, даже эха не осталось.

Никто не обернулся, не остановился, словно и не было крика, словно и не было мальчика.

Глава 3.

Чувство одиночества схватило мальчика за горло, он всхлипнул, вытирая намокшие от слез глаза.

Толпа стала редеть, и вскоре рассеялась. Сиротка поднялся, отряхнул дырявые колени, приподнял шапку и нащупал небольшую горящую шишку. Напавшей на него женщины и след простыл, её нигде не было видно.

– "Наверное черти унесли"! – подумал сиротка и улыбнулся.

Да и что ей сделает бесправный нищий ребенок? Мальчик

решил оставить её в покое, по добру, пока чего более злого не вышло. Она ж могла его и сильно поколотить, в таком то положении, лежа на сыром бетоне под ногами озверевшей бабы было мало шансов от неё слинять куда-нибудь подальше.

–Эй, мацьчуган, – послышалось за спиной, он обернулся и увидел человека в форме, резко поднявшись, и отскочив в сторону, мальчик побежал на дорогу не оборачиваясь.

–Стой! – кричал ему вослед человек. Мальчик знал, что человек в форме – потерять свободу, потерять свои сухари в сумке, его увезут, закроют и будут учить, заставляя работать безвозмездно, за еду. А он этого не хотел, он был этим сыт по горло. Три вынужденных месяца проведенных в колхозе, на свиарнике среди грязных мужиков и баб, ещё более чистых свиней отпугивали его своим зловонием до тошноты, своим извечным сырым дерьмом в закрытом помещении. Отпугивали его бесконечные грядки на полях, тянущиеся до горизонта (для детского ума и правда бесконечные), работа в его возрасте – гибель, ребенку необходимо было бегать, дышать, играть со сверстниками, а не со свиньями.

Успокоившись и посмотревшись, он убедился, что за ним никто не бежит, тогда мальчик спокойным шагом направился к привокзальной булочной. Милиционер прекратил погоню, беспризорников в городе была тьма, их часто отлавливали, часто сажали особо буйных и преступных, которые до ходили до грабежа, воровства. За большинством – за безобид-

ными попрошайками не было смысла бегать, всех не переловишь, да и сбегут они из лагерей и приютов при первом удачном моменте.

Булочная стояла открытая, хотя должна была закрыться, как полчаса назад. У входа её толпился народ, возмущенный тем, что не успевает завершить свой поход, потеряв время в очереди после рабочего дня. Со всех сторон слышались возмущения, ругань, смех, порой даже истерический и странный. Взывания к товарищу Ленину, упреки в адрес булочной и помещикам. Толпа гудела, живая, но все-таки имела пассивный облик, и штурмовать и бунтовать не собиралась. Кто-то махал карточкой над головой, кто-то мял её в руках. Кто-то звенел монетой.

Почувствовав запах божественного хлеба, мальчик неловко повернул шею, почувствовав резкую боль в голове. Чуть пошатываясь, он решил все же завоевать кусок хлеба, и двинулся вперед.

Шум слился в единый поток.

Мальчик медленно процедил череду запахов через нос – запах свежих булочек очаровывал его, калачей отвлекал, а хлеба приходил в уныние. Он решил, во что бы то ни стало, заполучить краюху. Во что бы то ни стало, раздобыть этот чертов черствый сухарик – его спасение, его надежду. Последний раз его челюсть разжевывала что-то съестное прошлым вечером, а есть хотелось сейчас, но он безрезприпасенные сухари на крайний случай, шурша ими в мешочке.

Всмотревшись в сонные, кислые лица людей, он остановился в поиске слабейшего – и нашел. Грязная шапка мигом слетела с головы и закрутилась в руке, перевернулась дном кверху.

– Дяденька, подайте бедному сиротке на хлебушек, подайте, есть хочу, умираю, три дня не ел, я пухну с голоду, дяденька! – взмолился мальчик.

Рядом зашумела толпа, завидев его, какая-то старуха запричитала, умоляя пропустить её, у кого-то оказались больные ноги, у кого-то дети дома, а мальчик все продолжал смотреть широко открытыми глазами на незнакомого, покрасневшего от стыда дядю, как вдруг за спиной послышался резкий, до глубины знакомый свист.

Сердце мальчика на мгновение остановилось. Голос окликнул свору, люди вокруг не успели ничего понять, как сирота уже бежал со всех ног в самую её гущу.

– Беги, беги, дурень! – кричали ему вослед испуганные бабы, – убьют ведь, изверги!

– Что делаете, управы на вас нет! Помилуйте его, ась за что, да он же маленький какой!

– Пошла старуха к чертям – крикнул ей сорванец.

– А вы не стойте, как оловянные, они ж с колами! Убьют ж бедненького! – обратилась она к толпе.

– А мы то что? Мы то что? Какое мы имеем право? Сами... сами разберутся! Не наше дело! – возразил кто-то.

– Эй, шли отсюда, пшли! – кричал на свору толстенный

как бочка мужик, размахивая руками, словно отпугивая мух.

Толпа осталась позади.

–«Бежать, бежать и только вперед, но сил нет! Ещё! Ещё! Дыши ровнее, не теряй шагу!» – мальчик оглянулся.

–Держи его! За ним! Теперь не уйдешь сволочь! Быстрее, с боку заходите! – во все горло орал своре главарь шайки, оголяя дыры вместо зубов. На глаза ему падали густые рыжие волосы, немного потемневшие от грязи, веснушки закрывали щеки и острый нос, которым он любил все обнюхивать. Беспризорники словно выпрыгнули из его кармана, из-за разных углов, дыр повалили, и каждый из них старался поймать первым бедного мальчика. Словно псы они рычали, визжали, отламывали прутья, чтобы ими хорошенько отлупить чужака.

Они вскоре окружили мальчика, готовые затянуть на его шее петлю, но сделав прыжок навстречу нападающему, сиротка сбил того с ног, поднялся и бросился к свободному открытому пути для бегства. Забежавший сбоку мальчишка что-то метнул в сиротку, оно блеснуло, отразив лучик света.

Мальчик всеми силами боролся за жизнь, и когда перед ним предстал высокий забор, он, не задумываясь, запрыгнул на него, подтянулся и упал вниз на ягодицы, отбив себе бок о фундамент кирпичного забора. Ахнув от боли, он поднялся и бросился через рельсы к большому амбару, который служил складом. Откуда-то со спины выпал небольшой, но острый ножик и упал на бетон, потекла небольшая струйка кро-

ви, который служил складом.

—«Ранили!» — подумал мальчик.

Гончие повалили за ним изо всех щелей забора, на мгновение, потеряв его из виду. Но вожак шайки приказал бежать к ангару, и стая кинулась к открытым дверям, сбив растерянного грузчика.

—Папаня, а ну-ка в сторону! — кричали ему ворвавшиеся вовнутрь бандиты.

Тем временем сиротка искал выход, он бегал по лабиринту, стены которого наполняли мешки, ящики, бочки, и вот — спасение! Высокий короб для зерна, наполовину пустой, об этом говорит глухой звук полого. Мальчик вскочил на ящик и в последний момент, перед тем как из-за угла вынырнул большой парнишка с палкой и ножом, скрылся в зерне, перестал дышать и слушал. По его щекам текли слезы. Он не хотел умирать!

Беспризорники рыскали вокруг, гремя, смеясь. Почуяв запах крови, они дел искали беднягу с остервенением. Их тяжелое дыхание, то приближалось, то отдалялось от короба. Кто-то застучал по стенке коробки.

—Выходи! — крикнул детский голос, но сиротка молчал.

—«Найдут меня здесь, мне конец» — испугался мальчик, скрестив пальчики на руках, он молился, молился и плакал.

—Ворье! Ворье, собаки, побью вас! — кричал рабочий, который размахивал железным прутом. Рабочий неуклюже побежал за парнишкой, и чуть было не поймал, но тот просо-

чился сквозь пальцы, шмякнул при этом палкой ему по лысине, от чего тот ахнул, и убежал, смеясь.

Послышался монотонный свисток.

Вот кто-то лезет вверх, чтобы заглянуть вовнутрь ящика.

– Плохо дело! – крикнул кто-то испуганно.

– Шухер, парни! Вали! Милиция! – крикнул вожак, и свора рассыпалась кто куда. Воцарилась тишина. Чьи-то быстрые шаги удалялись, теперь можно было спокойно вздохнуть, и закрыть глаза.

На сей раз, он бы спасен.

Глава 4.

Быстро стемнело. Мальчик просидел в ящике до ночи. Ноги затекли и их начинало сильно сводить, затекла спина, которую он отлежал, ведь мальчик боялся даже пошевелиться, поднять голову, не точно выглянуть наружу! Вокруг было столько опасности! Его могли поколотить не только беспризорники, но и складские! И не буду они спрашивать у него кто он и зачем тут оказался – у них один язык с беспризорниками – хорошие прочные прутья, гуляющие по спине.

Но тишина взяла верх над его страхом, когда створки ворот ударились друг о друга и склад закрыли амбарным замком на ночь, сиротка растер затекшие онемевшие ноги, которые покалывали и были холодными.

Вдруг мальчик тихо заплакал, он устал плакать сегодня,

но на сей раз в слезах было что-то такое, особое, какая-то чуждая человеку тоска.

Набрав в мешок свой гнилой муки, какую снов найти в темноте, немного зерна из пустой бочки, засунул пучок себе в рот и смочив слюной, стал жевать. Затем осмелевший мальчик принялся искать выход. Просидеть до утра – означало попасться.

***

Останки Ивана – отца Егорки, уложили в худо сколоченный дешевый гроб. Его обтесали топором наспех, ведь труп уже начинал портиться.

Голову Ивана так и не собрали, в морге заявили, что "придется мол, вам, хоронить кормильца в закрытом гробу". Так и сделали. Никаких возражений на этот счет не последовало.

Заколотили крышку, и водрузив её на высокую телегу, погнали лошадь по разбитой и затопленной дороге. Мальчик шел рядом молча, его братья остались дома с матерью. Рядом с ним шла бабка, держась за борт, которая уже не рыдала, а только тихо причитала и вытирала опухшие от бессонницы и слез глаза.

Ещё ни понимая, что произошла беда, Егорка только догадывался о всей серьезности и прискорбности положения их семьи.

Когда-то, живой отец менял найденные Егоркой царские

чешуйки на калачи, плюшки, приносил в их землянку сахарных петушков. Вспоминалось и то, как вся орда, вечером, когда приходил с работы отец, срывалась с печи и прыгала на его уставшего плечи. Но это все закончилось, ещё не верилось, что его больше нет.

Телегу завели на паром и переправили через разлившуюся речку, моста ещё не было. И приходилось дожидаться своей очереди, в это время расстроенные и мрачный Коля сбегал и поиграл на берегу, собрал ракушек, нашел интересную палочку, но не было уже того детского веселья в его игре. Старик отправил паром, и мальчик тихо смотрел, как рассекается вода, какая она черная, какая бездонная река. Прицепленная на цепь телега едва покачивалась, впервые Егорка осознанно заплакал, вспоминая отца, но тихая вода его успокаивала.

Навстречу им выбежала вся семья, мать упала к колесам телеги и зарыдала.

Собралось все село, многие пробовали утешать её, но это было бесполезно.

Гроб в землянку не внесли, он не поместился. Поставили на улице, у входа. Егорка с братьями теснились за спинами сельчан.

—Сыночек мой, сыночка, на что ты нас... — запричитала старуха, и за ней дружным хором завывали бабы. Надежда, мать осиротевших, плакала сидя, она не могла ни говорить, и думать, и словно впала в беспамятство.

Мужики молчали, едва шепотом переговариваясь и переглядываясь. На стол ничего не собрали, кушать было нечего и самим, ни самогонки, ни хлеба.

Так продолжалось с часу. Егорка и его братья устали, но знали, что надо закончить до конца. Маленькие тихо плакали, видя, как плачет мать.

Сильные руки мужиков подняли гроб, и понесли на кладбище, на приготовленное место, чтобы затем опустить в глубоководную сырую, залитую водой и грязью яму.

–Помнишь Ивана? – спросил один.

–С детства помню, выросли вместе, вот и жизнь к концу подошла, и детей сиротами сделали... – ответил другой.

–Смерть она злая тетка, всегда рядом, – сказал третий мужик.

–Всегда, всегда... Война вроде далеко, а смерть рядом, ну, пару раз бомбы сбросили за бугром, и все на этом, а люди все гибнут...

–От этого и грустно мне, жить, да жить, детей растить, молод ещё был, а тут... беда. Эх! Вот что значит судьба.

–Горькая доля семье досталась, – сказала рядом идущая баба, и так бедствует, а человек то с умом был.

–А кто ж виноват? Судьба такая.

–Рассказывают, обвинили его, что, мол, сам виноват, не там стоял, не то делал, не по инструкции, мол, – кто-то влез в разговор.

–Инструкция, инструкцией, а жизнь ему она не спасла.

Гроб занесли на кладбище, мать обняла гроб и долго целовала, плакали бабы, словно от души отрывали кусок раскаленными клещами. Толпа прильнула к могиле, и смела Егорку и братьев в сторону, их никто не замечал, все были поглощены горем.

–Иван! Друг мой отзовись! Милый, отзовись – растолкал всех пьяный здоровенный кузнец, чуть не задавивший Егорку ногой, пришедший позднее всех, в руках у него была кованая кувалда, –пусти! Пустите поколочу! – кричал он, – уйдите от него! – все расступились, – я ему голову поправлю, поправлю голову, я принес, принес чем! – кузнец размахнулся.

–Держите его! Держите, гроб поколотит! – закричали из толпы, мужики бросились на него, и толпой, ели-ели оттащили от могилы, с трудом выдернули кувалду из огромных рук.

Надежда упала в обморок, и долго не могли её привести в чувства, поливали водой – не помогало.

–Померла что ль? – воскликнула соседка

–Дышит, дышит, не городи ты, сучья баба! – накричал на неё муж.

–Кувалду откинули в сторону, скрутили и усадили кузнеца перед надгробьем.

–Будет, как новенький, будет бегать! – кричал он, затем, мгновенно отключился и уснул, а проснувшись вечером, уже ничего не помнил, ни похороны, ни кладбище не обрисова-

лись в его памяти.

–Ну что ты... бог с тобой, уснул окаянный черт, напился с горя, – засопел уставший от борьбы мужик.

–Хорошо успокоился, недобро и гроб разбил бы, и нам головы, вместе с Иваном отправились... на тот свет.

Старуха же от испуга потеряла дар речи, и только глотала воздух ртом, ворочала языком во рту, меж оставшихся черных зубов.

Надежду подняли, и понесли домой, где она пролежала до утра в горячке. Дети спрятались за широким тополем, и тихо плакали, побежали за мамкой, все, кроме Егорки, он хотел дожидаться, когда все разойдутся и побыть наедине с отцом.

–Нервы сдали, – сказал кто-то тихо, опуская гроб в яму, дно которого хлопнуло о кромку воды.

–Всплывет же! – закричал один.

–Не-е-е, что ты, черноземом закидаем, он воду впитает, а потом и засыплем, – так и сделали.

Каждый из присутствующих кинул по комку земли.

–А мой то, с ума сошел, все детство с ним, а тут его в гробу привезли... пойду-ка кувалду домой отнесу, – она заплакала и ушла.

Ещё немного, и над могилой воцарилась тишина, небольшой холмик возвышался над землей.

–С богом.

–С богом – повторили другие, и ушли.

–Идти пора, – похороны были закончены, все разошлись,

кроме маленького мальчика, оставшегося стоять в одиночестве над свежей могилой отца.

–Папа... папа! – долго ещё доносился его одинокий детский голос и ели заметный плач.

Глава 5.

Свет пробивался через щели в стенах и крышу, освещая дорогу полосками, светила яркая луна, и немного приморозило, но вода в лужах не застыла.

Боль в спине стихла, рана перестала кровоточить, кровь застыла, склеив драную телогрейку не по размеру и тело. Егорка стиснул зубы и попытался оторвать ткань от раны, но испытал острую боль, оставил так.

–Пройдет, – буркнул он под нос, и, пошатываясь, встал, поднял крышку и выглянул наружу.

Тишина, только ветер шумел через щели, едва завывая.

Мальчик осмелился вылезти наружу, он захотел в туалет, захотел пить, нужно было найти чистую лужу, сгрызть свои запасы сухарей. Его день пошел насмарку. С самого утра, он ходил голодным, без куска хлеба во рту, беспризорники сорвали все его надежды насытиться к вечеру.

Он был очень голоден, немного промерз, но было терпимо.

Пошарив по ангару, он не нашел ничего съестного, но довольствовался лишь мукой, какую набрал в карман.

—«Будет тесто»— подумал он.

Много унести он не мог, а оставаться здесь было опасным, его могли поджидать снаружи, ночь же скрывала все передвижения, и выбраться из ловушки было куда проще. Тем более, по его рассуждению, его могли бы здесь поймать, и отправить в отделение, затем в приют, куда он не хотел, а перед этим, не разобравшись, после вчерашнего, просто отлупить и выкинуть на улицу. Скорее всего, рабочие сообщили начальству, ведь приходил человек со свистком. И так, сиротка решил вылезти из западни.

Ступая осторожно, опасаясь сторожевых собак, мальчик потихоньку прощупал ветхие деревянные стены. Перебирая одну доску за другой, ища лаз. Он обошел одну сторону, противоположную от вокзала, которая смотрела на ряд других складских помещений, там были люди. Егорка видел огни железнодорожных путей.

Единственной ветхой доской, оказалась та, которая находилась в открытом углу ангара, эта часть хорошо просматривалась, и свора могла следить за выходом, но не была освещена, и мальчик дернул её в сторону. Доска ушла вбок, небольшой щели хватило для маленького мальчика.

Сиротка ползком переправился до забора, окутанного колючей проволокой, под ним была ямка, которую, видимо ещё давно вырыли для себя разгуливающие на территории сторожевые кобельки. Егорка осторожно пролез, зацепившись большим местом за проволоку, ткань с хрустом оторвалась

от раны и брызнула кровь. Сиротка ахнул, сжался в комок, на глазах проступили слезы, но боль вскоре стихла.

—«Пройдет» — повторял он, — «пройдет, завтра пройдет уже», — и полз.

Пока не настало время подняться. Как он и предполагал, его поджидали, в ближайших кустах сидели и разговаривали подростки. У забора сидело ещё несколько человек. Остальных он не видел, но чувствовал, что за ним следят, а он, обманув их ожидания, пробирается темной стороной, которая лежала в тени и свет луны на неё попадал лишь незначительно, скрывается от них, как и прежде.

Приподнялся и сел на корточки, осмотрелся, прислушался, затем согнувшись перебежал рельсы, перескакивая полотно одно за другим, голоса не прекращались, смех усиливался, и вскоре Егорка почувствовал холод кирпичного фундамента, по коже пробежала дрожь. От того места, как он сюда попал было рукой подать.

Егорка перешагнул куст травы, поднял голову и увидел сидящего в углу спящего мальчика, которого поставили караулить забор, но тот с заданием не справился.

Маленькая фигурка сопела, чуть покачиваясь, опершись о стену.

—«Так не пройти», — решил Егорка. Мальчик хотел было уйти, но увидел небольшой предмет, рядом, до него можно было дотянуться.

—«Нож! Вот чем в меня попали» — Егорка попробовал до-

тянуться, но не достал, тогда он помог себе ногой, подтянувшись немного, зацепившись о выступ фундамента ногой.

Не вышло. Мальчишка стоял на месте, подтянувшись, Егорка лег на живот и пальцами закрутил заточку, стараясь поймать её. Лезвие звенело о бетон, тогда аккуратным движением мальчик подтянул себе ножичек, и подхватил, сполз вниз и затих. От шума часовой вздрогнул и проснулся, он взбодрился и подошел ближе. Осмотрелся.

–Кто здесь? Калач ты? – спросил он, но никто не ответил.

–Никого, во сне приснилось, – забубнил он, и отправился в свой темный угол.

Выждав немного, сиротка, согнувшись выбрался к левой стороне забора, которую не охраняли и перелез, засунув заточку в горе-ботинок, обмотав её перед этим тряпкой, чтобы не пораниться.

На сей раз забор показался ему непреодолимым препятствием, мышцы болели, болела и спина. Головная боль не прекращались.

–Похоже, злая баба хорошо мне треснула, – зашипел со злости мальчик, и, цепляясь за кирпичики, забрался на самый верх. В лицо хлынул прохладный порыв ветра.

Оставив за собой вокзальные рельса, Егорка шел по городским улицам.

Как всегда, даже в свете луны, они казались ему чужими и грязными. Вечно серыми и угрюмыми. От сырости бросало в дрожь, сиротка нашел подходящую лужу, на которой пе-

реливался ночной свет, наклонился и принялся пить. Прохладная вода взбодрила его, он достал сухарик и размочил, засунув себе в рот.

Он долго жевал размокший хлеб, ощущая его приятный вкус, тянул до последнего, чтобы обмануть голод.

Мальчик смотрел только себе под ноги, перепрыгивая и перешагивая лужи, чтобы не намочить. Ноги его сделались по самый верх грязными, большие куски липли и притягивали к земле, стали тяжелыми.

Обмыв ноги в грязной луже, сиротка принял на обочину, пошел по зарослям, свернул в проулок и вышел к порогу деревянного двухэтажного дома, найдя убежище в развалившемся прогнившем сарае.

Крыша его провалилась, и все то, что осталось от соломы упало вовнутрь, облепив все его содержимое, свисала с черных сырых палок, которые служили перекладинами его крыши. Подстелив под себя сумку, мальчик погрузился в долгожданный и спасительный сон, согнувшись калачиком, но сон получился беспокойный, сильно мерзли ноги.

Снились ему улицы, села, сено. Мальчик проснулся во сне в овраге дороги, в крови, с раздробленной камнем головой, избитый и замученный, не было сил подняться по склону.

Гематомы ныли, щепки от палок впились в его ноги. Но к удивлению, боль прошла, и мальчик сумел подняться, отбитые внутренности встали на место и больше не ныли. Оставался дискомфорт во рту, на месте оставшихся выбитых мо-

лочных зубов начинали затягиваться раны. Это была сцена из прошлого. Она снова повторилась с ним во сне. Его пальца цепляли густую траву на склоне, который во сне казался ему отвесным.

Свет уличных фонарей ослепил его.

Всякий раз его гнали, били, охотились, желая раз и навсегда раздавить этого надоедливового и живучего клеща. Его повадки раздражали озлобленных городских беспризорников, он был «беспартийным», одиночкой.

Каждый клялся разбить ему лицо, унижить его, уничтожить, оплевать, каждый из них считай честью поймать «беспартийного» из деревни, отнимающего у них хлеб и заработок. Если пришлось так, что последний удар стал роковым, толпа опьяненная разбежалась по сторонам, подбирая хвосты.

Жители улиц, обреченные на страдания, вызываемые холодом и голодом, обреченные на муки, отягощенные бременем болезни, «голодной чумой», злостью, замерзали, умирали, и вот, в какой-нибудь канаве можно было обнаружить высохший замерзший труп старика, ребенка. Некоторые счастливики умирали мгновенно, испустив дух блаженно, некоторые в агонии и бреде, стонущие на последнем издыхании.

Трагичность последних минут бедняка – одиночество, никто не придет на твою могилу.

Все это было его повседневностью. К трупам он привык также быстро, как и к побоям, как привыкают к жаре или хо-

лodu. Только к голоду невозможно привыкнуть, он поглощает все пространство внутри, делает его полым, высасывает душу, даже из ребенка, и превращает в своего вечного раба.

Бездомные, не успевшие найти себе теплую одежду на зиму, не успевшие подобрать худо-бедную обувь или хорошую обмотку, были обречены на смерть.

Жизнь полноценного пролетария являлась для них несбыточной мечтой, старики уже не могли, дети ещё не могли. Такого светлого будущего для себя они не видели на просторах дорог и полей.

Голод подавлял их, становясь орудием пыток, раскаленным крестом. Он давил их психику, превращая их в голодных полулюдей, хотя более человечных, чем люди есть на самом деле. Истощение сводило с ума, выпотрошив, опустошив и вывернув наизнанку.

Слабые и старые сдавались, истерия захватывала их умы, лишала здравого рассудка, горячка ломала их характер. И месяц за месяцем голод расставлял свои точки над «i», отправляя в могилу все больше и больше нищих.

Бродячих становилось с каждым месяцем все меньше и меньше, оставшиеся же научились приспособливаться. Выживали, хватаясь зубами за жизнь, за ту, какая у них была.

Впереди ждала убийственная зима, но все же, красный накал голода остывал день ото дня, год от года, зима не могла длиться вечно.

Глава 6.

– Давай сюда сапог, я его посажу, – вцепилась в прохожего оголодавшая, горбатая иссохшая старуха, – дай сапог, ну! – она выкатил глаза.

– Уйди проклятая, ведьма! Пусти! – испугался прохожий.

– Нет уж, снимай, леший! Вижу, вижу, рога растут у тебя, да хвост! Вижу, ан вон он какой – до земли! – зашипела старуха, отмеривая расстояние от ремня до земли.

– Уйди, кому говорю! – испуганный мужичек вырвался их цепких рук старухи и побежал, скрывшись во мгле ноябрьского утра.

– Ушшшш... ирод! – оскалив оставшиеся два передних зуба, старуха проводила его взглядом его взглядом, бормоча и причитая то молитвы, то проклятья, которые посылала всякому прохожему в спину, показывала пальцем.

– Чую, чую, – старуха развела руками и стала принюхиваться.

Сама же борьба за жизнь на улице велась, поскольку со стихией, постольку с самим измученным озлобленным человеком, что придавало всему происходящему горечи, кровавости и сумасшествия, так придавало и благородство светлой душе мальчика, которая светилась своей невинностью, словно летнее солнце.

Старуха осторожно отворила наполовину упавшую дверку сарая, присмотрелась.

Егорка спал, свернувшись клубочком, посапывая маленьким носиком. Что-то закопошилось в груди бабушки, какие-то далекие чувства вновь завладели ей.

–Так, – прищурилась старуха, которая осторожно приблизилась, склонилась и принялась, – мальчушка, а ну-ка проснись, – она растолкала его своими когтистыми руками, под когтями которых скопилась ещё прошлогодняя грязь, руки ее пахли сыростью и землей.

–Бабушка? – мальчик поднялся, сел на корточки, и протер заспанные глаза кулачками, – бабушка, не ругайся! – виновато проговорил Егорка.

–Ничего, ничего, поднимайся, пошли я тебя угощу, сладкую свеклу хочешь? Пошли, пошли, маленький мой, – старуха подхватила обессиленного мальчика под руки и повела к себе на первый этаж, в маленькую грязную старушечью каморку. Маленькая комнатка освещалась свечкой, умылась одинокая бабушка в ведре с водой, которую приносила из старого ветхого колодца. Сама она давно спала на грязной постели, полной клопов, старик давно умер, не дожив до войны пару лет. Сыновья погибли на фронте, оба, оставив старуху одну. Старший подорвался на mine, второго застрелили в голову на украинском фронте, после чего старуха умопомрачилась, замкнулась и разум ее поник, затух и перестал жить.

–Сыночка пошли, голубок, сейчас воды вскипячу, – она зачиркала спичками по бумажке, которую смяла и бросила

в скудные дровишки, они лежали в облупившейся глиняной печке. Достала из под стола небольшую свеклу, подобрала поцарапанные затупленный ножик с окна, и принялась чистить овощ.

–Бабушка, а ты одна живешь? – спросил её Егорка, осматривавший комнату. Обоев на стенах не было, штукатурка облупилась, пол прогнил и скрипел, в нем зияли черные дыры. По углам наблюдался мышинный помет, а в воздухе витал затхлый старушечий запах кислого сыра. Единственное окно было разбито, и затянуто какой-то пленкой, скорее всего бычьими кишками, через которую дул ветерок, расходящийся струйками по комнате.

–Одна, одна сыночек, уже который годок одна, – с горечью проговорила увлеченная бабушка, – скучаю иногда, а так, жить можно, я то, своих всех потеряла, а ты, вижу, один остался? – спросила она у сиротки.

–Мамка осталась, и бабушка, – скромно ответил Егорка.

–Плохо, видать им, раз ты по свету скитаешься.

–Плохо бабушка. Я из дому ушел, там плохо... – Егорка потупил взгляд, ему не хотелось вспоминать о доме, было слишком горько, и он по нему скучал.

Дом манил его, своим запахом, детскими воспоминаниями и наивной надеждой.

***

Дети играли на улице, босые и некормленные. Так проходило их детство, без игрушек, в грязи и в поле с насекомыми. Они уже успели сбегать на луг и собрали дикой травы, пожевать её, выкопали кое-какие корешки и покушали ими, долго смакуя и передразнивая друг друга. Маленький Алеша поранил ножку, и за них ухаживал брат Витя, который играл в медика. У реки обмыли ногу чистой водой, вытащили щепу.

–Егор, иди в дом! – позвала мальчика мать, появившись сверху на склоне холма.

–Иду! – Егорка сорвался с места, взобрался наверх, улыбнулся братьям и по старой тропинке, по высохшей глине устремился к вымощенной известняком дороге, у которой стояла его землянка, и через пять минут вбежал в дом.

–Егор, милый, слушай меня, нам кушать нечего, – мать заплакала, – тебе идти придется, с сестрой, по миру скитаться, за хлебушком идти, а то помрешь, – мать зарыдала ещё сильнее, – ты самый взрослый.

–Мамка, мамка, не плачь, – Егорка обнял её, но она испуганно отстранилась, подобрала с нетопленной печки сумочку, и рыдая протянула ее Егорке.

Давно назрел голод в семье, мать молчала некоторое время, недоедала, мучилась, но не могла решиться отправить старших собирать, выгнать их из родного дома, куда глаза глядят! На смерть, на улицу! Но, время настало, мать её старуха начинала пухнуть от голода, земля не кормила, денег

не хватало. Непомерный женский труд лишил её сил физических, истощил её, иссушил, а затем и высушил её моральные силы – силы матери.

–Сшила тебе, сумочку, – перевесив её через плечо, она обняла сына, – иди, с богом, не задерживайся.

Мальчик не решался. Тогда старшая сестра схватила его за руки и вывела из дома. На лавочке под низким единственным окном, находящимся почти у самой земли, сидела грустная и заспанная старуха, у неё отказывали ноги, и она передвигалась держась за стены и помогая себе двумя срубленными, даже не отесанными палками.

–Идем, дурачок! – выругалась на него сестра, – сказали, идти, значит надо идти!

–А я не хочу уходить! Кать, не хочу, не надо!– мальчик тянул её за руку обратно в дом, заплакал.

–Дурачок ты, – заключила она.

–А братишки? – Егорка плакал, – к мамке хочу! Пусти! – бился он.

–Братишек то куда? Ты за ними будешь присматривать? Идем, идем! Они не дойдут, маленькие! Не дойдут, говорю! – она резко подняла его за руку и поставила на ноги.

Егорка подчинился. Они тихо зашагали вперед.

–Куда мы? Кать? – мальчик вытер слезы, осмотрел пустую сумку.

–К тетке, за солью, – сухо ответила сестра.

–Это к какой? – не возмутился мальчик, – к какой тетке?

–К той, которая в *** живет, – понял?

–Да, – она злая, – Егорка её не любил, – старая ведьма! И к ней ты меня тащишь?

–Тебе то что, соль тоже злая? Заткнись, и помалкивай до-рогой всей! А то оттащу тебя в лес, или в поле и брошу! Я тебе не мамка! Цацкаться не буду с тобой!

Егорка сорвался с места и устремился обратно в деревню, сестра в ярости провожала его глазами и бросилась за ним. Мальчик с рыданием ворвался в землянку и кинулся к сидевшей у окна матери, в ее объятии. Долго рыдал он, не отрываясь от юбки, пока сестра не отбила его и силой не вывела из дома.

К вечеру они добрались до старого деревянного дома, расположенного на краю деревни ***. Дом стоял, чуть покосившись набок, забор из кольев упал и сгнил, ставни были закрыты всегда, старые петли их давно проржавели, а фундамент ушел под землю в чернозем.

В деревне *** все дома были такими, некоторые, потеряв последнего жильца, стояли опустевшими и заросшими. У мальчика болели ноги от непривычки, он шел босиком, осторожно ступая там, где начинались камни известняка. В эту самую деревню понемногу закрадывался голод, ее начинали покидать особо бедные люди, как и Егорка после, в надежде, что все то, что с ними началось, закончится быстро, и они вернутся домой, заведут огород, и будут сажать вкусную свеклу, о картошке они и мечтать боялись, даже и толком не

знали, как она выглядит, и боялись ее, заморское чудо.

– Мне холодно, – мальчик обратился к молчавшей сестре, он озяб, колени у него тряслись.

– Молчи, уже пришли, – злобно ответила она, – что не терпится? Так ты терпи!

Катя постучалась в деревянную дверь.

Никто не отвечал. Она постучалась сильнее, и чьи-то шуршащие шаги послышались за дверью.

– Вот видишь, дурачок, я же говорила, нас впустят, – улыбнулась она.

– Кто там? – спросил их сухой голос из-за двери.

– Я, Катя, за солью пришла.

Скрип замка заложил уши, казалось петли не смазывались лет сто.

Из щели высунулся длинный бородавчатый нос бабы с бородавками.

– Ааа, голубушка, на кой ты тут? Какая соль? – спросила баба, не впуская их за порог.

– За солью, мамка послала, тебе то не знать? Не придуривайся! Сама позвала, принимай.

– Так нет её, её надо воровать идти. Если хочешь, пойдем, я вот уже и собиралась пойти, к утру надо успеть бы, – у бабы сверкнули глаза, – а это кто с тобой? – удивилась она, и испугалась, улицезрев постороннего с начала разговора, не заметила Егорку, на её лице отразилась презрительная гримаса.

–Стоит и слушает! Аль разболтает всё по деревне! – испугалась баба не на шутку.

–Это братик, он со мной, мамка приказала, – Катя облизнула высохшие обветренные губы, небрежно толкнув Егорку в плечо, – он маленький, не разболтает он.

–А, ну пусть так, я сейчас приду, жди, – дверь вновь скрипнула и закрылась. Дети остались стоять на пороге. Егорка продолжал мерзнуть, ночь только начиналась. Через некоторое время спустя, баба вышла через черный вход со двора, неся в руках два больших мешка, в которые, как видно было из-за кусочков белого вещества, уже ни один раз, воровала соль со станции.

–Пошли, это тебе, – она злобно взглянула на мальчика, протянув Кате мешок, – этот будет шуметь? – спросила она шепотом.

–Он тихий, дурачок, – ответила Катя.

–А вдруг сболтнет чего? – подозрительная баба осмотрела мальчика.

–Вряд ли, – Катя поморщилась, тогда я его отлуплю.

Ночь оказалась холодной, Катя сама начала испытывать озноб, а Егорка, тихо плача, сильно сжался, только тетка себя комфортно чувствовала, одев теплую дырявую рабочую фуфайку.

К четырем часа утра они вышли к станции, свернули с дороги и обогнули покосившийся деревянный забор, обмотанный колючей проволокой, оказались на железнодорожном

полотне. Егорка испуганно сглотнул комок, ему было не по себе, он понимал, что они идут заниматься плохими делами и ему было страшно.

Вдали стояли составы, тетка осмотрелась, вокруг никого не было, охранник спал, недавно совершив обход. Собаки либо передохли, когда их стало нечем кормить, либо убежали в лес, находившийся совсем рядом. Кого они съели за это время, или кто съел их неизвестно, люди бывало пропадали, но тетка слышала о появлении волков, хотя это были всего лишь слухи и мало кто им верил. Для волков нужно мясо, а не тощие крестьяне, как она считала, позабыв о мослах, приправленных кожей .

–Пришли, пусть вшивый останется здесь, – шепнула она на ухо Кате, та кивнула, и приказала мальчику спрятаться за забором и сидеть в кустах, пока они не вернуться.

Опытная тетка быстро определила состав с солью, сорвала пломбу, и отодвинула створку. На ощупь поднялась, принялась забивать мешки, подавая их вниз Кате, которая с трудом их отволокла к забору, где сидел замерзший сонный Егорка. Мальчик пробовал заснуть, но ноги его были холодными, ему это нестерпимо мешало ему, отвлекало и мучило, он хотел жаловаться, но боялся.

–Эй, дурень, ты тут? – воскликнула тихо Катя.

Мальчик закопошился:

–Катя, вы скоро, я замерз – жалостно ответил Егорка.

–Сиди, – она ушла за вторым мешком. Вернувшись с тет-

кой, махнула Егорке рукой.

–Идем, что сидишь? – и поманила его за собой, – идем дурак.

Тетка взвалила на плечи мешок, он показался ей тяжелым, тогда она его сбросила, и прошептала Кате так, чтобы идущий впереди Егорка не слышал их болтовни.

–Тяжелы мешки, а давай-ка этого, малого загрузим, а то идет, пустой, ищ, выискался, кормить его за какой черт? – Катя удивилась тому, что она сразу не догадалась об этом.

–Так он не унесет, маленький, – сказала она, взглянув на тетку.

–Унесет, а мы с тобой один понесем вдвоем, – ухмыльнулась баба.

–Егор, а ну-ка иди сюда, – мальчик подошел, – а ну-ка, держи! – ему взвалили на плечи мешок, под грузом которого он чуть было не упал, но он выстоял, и пошатываясь, боясь в раскачку побрел вперед, подгоняемый страхом.

–Тяжелый! – он хотел было скинуть, но Катя его остановила.

–Кому говорят, неси! Я тебя здесь брошу, дурака, одного! Матери все расскажу, быстро взял! – она замахнулась на Егорку, но не ударила, оголив злобно зубы, тот заплакал, но понес мешок, шатаясь.

–Так-то, – она улыбнулась.

У мальчика текли слезы.

Сестра и тетка схватили один мешок и обогнали мальчи-

ка, который, теряя силы с каждым пройденным метром, плакал все сильнее, свалил мешок на землю и стал тащить его, с упорством, с яростью.

Наступило утро. Идущие вперед Егорки родственники давно скрылись за горизонтом, сколько не кричал им мальчик, сколько не звал и умолял, они не подождали. Оставалось несколько километров до деревни.

Егорка устал, его руки отсохли окончательно, а мешок казался непосильной ношей. Но это его не остановило, им двигал страх, заставляя идти вперед. Он по-настоящему боялся остаться один, без сестры, без старшего и более опытного надзирателя, он боялся сбиться с дороги, волков, криков птиц, рассвета, ему не хотелось спать, испуг терзал его и он нес вою ношу с большим остервенением, он охрип от тихого плача, слезы пересохли и больше не текли.

Протаскивая мешок по десять метров, мальчик отдыхал, затем вновь протаскивал, и так, за несколько часов, выбившись из сил окончательно, измучившись, голодный, но согретый непосильным трудом, он добрался почти до самого дома тетки, но упал, споткнувшись, разбил себе нос, утёр кровь и поднялся. Руки его тряслись от холода и усталости.

Пройдя вдоль упавшего забора, постучал в дверь, казалось его ждали, вновь скрип, вновь острый нос бабы показался на улице.

–А, пришел? А где же мешок? – удивилась баба.

–Тетья, я устал, он там, вон там, – Егорка показал в сторону

деревни , в сторону забора.

–Как там? Одурел, давай сюда тащи! А мы пока есть приготовим, – притворно выговорила тетка, а сама все посматривала из-за двери.

Егорка сошел с порога, и из последних сил притащил соль к двери, тетка вышла, важно и деловито занесла соль в дом, и наказала мальчику:

–Смотри, скажешь кому про соль, язык тебе отрежу, понял? – сквозь зубы выговорила она, свернув черными глазами, – я тебе, тварь, его оторву, сучий ты сын.

–Да я ни кому тетенька, пусти, пожалуйста, – взмолился мальчик, – я есть хочу, я замерз.

–Рано ещё, не готово, иди-ка, пройдишь по деревне, прособирай милостыню к столу, и приходи, – на сей раз, ласково попросила его тетка, – знаешь что это такое, "милостыня"? Это куски хлеба, сухарей, ходишь просишь, вымаливаешь, шкурки свекольные, коренья, иль что дадут. Иди!

–Хорошо, -, ответил мальчик, перед Егоркой вновь закрыли дверь, он осмотрелся по сторонам, сонливость отошла, ее сильно заглушал голод, живот, казалось наполнялся собой, своим собственным содержимым. Мальчик попил из стоящей лужи.

Многие двери оставались закрытыми, иногда заспанные крестьяне выносили кусок репы, свеклу, кусок хлеба был редкостью на протяжении всех лет мытарства мальчика, даже сухарь был роскошью. Егорка не смог стоять на ногах, он

немного закусил не стесняясь, вгрызлся в пищу, согласившись со своей совестью на сделку – покушать самому в тайне, но принести побольше к обеденному столу, тем самым обойдя каждый двор, он удовлетворил собственную совесть, он хотел понравиться тетке, хотел удивить и задобрить сестру. Егор стучался по второму разу, где не открывали. Некоторые добрые люди, проявляя сострадание, спрашивали чей же он, какой деревни, какого двора, с кем пришел, иные просто прогоняли. Этим и обходилось, пока его никто не бил, не пинал.

И к полудню мальчик возвратился к тетке с небольшим, но сытным уловом.

Дверь открылась.

– Ну, давай сюда мешок, – баба улыбаясь протянула руку и облизывая грязные сухие губы, Егорка колебался. При свете дня, мальчик отчетливо заметил черные грязные ноги и пальца тетки, ее немытость, и вонь, исходившую из-за двери.

– Ну? Давай, что боишься? – тетка стала улыбаться еще шире, мальчик нерешительно снял сумку с плеча, и, входя, протянул ей, тогда она молниеносно выхватила ее, оттолкнула мальчика в сторону, с порога.

Вытряхнула на пол всю еду, до последней крошки, отобрала всё самое лучшее, за исключением нескольких грязных сухарей, охнула и швырнула со всей силы остатки и сумку в лицо мальчику, которая хлестнула ему в глаз, оставив небольшой синяк. Егорка заплакал.

–Тетя, тетя, ты чего? – маленькие губки затряслись от обиды и страха, – мало принес. я еще соберу, только впусти?

–Вшивый ты! – завизжала тетка, – такого в дом срамно впускать! Пошел отсюда, побью, сучий ты сын! – она захлопнула за собой дверь.

Вокруг мальчика воцарилась звенящая тишина.

Но дверь вновь скрипнула, немного обрадовав Егорку, старуха швырнула на землю ещё один кусок сухаря:

–На, жри, собака, не подавись! – прогнусавила она, и закрыла дверь.

Глава 7.

Свесив маленькие грязные ножки, мальчик сидел на кровати и ждал, когда старушка почистит свеклу. Он непридуманно ковырялся в ногтях, почесывался то тут, то там.

Вскоре, она закончила, и попросила гостя к столу.

–Клопы меня загрызли, поганые, спасу от них нет, спишь, а они возятся, да кусают, а ты кушай, кушай, – она протянула кусок свеклы Егорке, тот с аппетитом принялся грызть сочный плод.

–Мне, бабуля, нельзя задерживаться, – сказал Егорка, когда сжевал остаток.

–Куда ж ты внучек пойдешь? – удивилась старуха, – оставайся, проживем как-нибудь.

–Не могу бабушка, я обузой буду, из дома меня отправи-

ли, обузой был, – грустно сказал Егорка, – я взрослый, я все понимаю, мне нельзя, я сам.

– Да как же обуза? Такой маленьких, да обуза? – спросила старуха, оставшись стоять с открытым беззубым ртом.

– Там голод, лютый, как мне говорили, бабушка с голоду опухла, раздулась, как лягушка, мать тоже, колхоз опустел, пшеницы нет, колосков нет, ничего нет. Ворон и то съели всех, а ракушек из речки выловили, рыба ушла, травой одной питаются, лебедой, – вздохнул мальчик, – мне надо бабушка, идти, хлебешек добывать.

– Раз не хочешь остаться, родной, иди с богом, я тебя насильно не буду держать, а то сжалилась над тобой, жалко мне вас, бедненьких, – бабушка заплакала, обняла Егорку и проводила до порога.

– Прощай, – она вытерла старушечьи глаза от слез, Егорка поблагодарил её и ушел, не оглядываясь, потупив взгляд, пошлепав по лужам, по чьим-то следам.

– Прощай, – крикнула старуха ему в след.

Егорка так и не узнал, что старушка умерла через несколько месяцев, а перед этим сильно затосковала по родным. Почувяв смерть, она легла на кровать, сложила накрест руки и торжественно произнесла:

– Встречайте меня, мои сыночки, – и испустила дух.

Тем временем, как старуха отпустила сиротку, прошло три дня.

Туманом затянуло весь город. Не было видно ни людей,

ни лошадей с телегами на расстоянии и десяти шагов.

Спасшийся Егорка вернулся на вокзал, на то самое место, где встретил злую пассажирку вагона, то было одно из самых многолюдных мест в городе, и бандитские шайки беспризорников не решались попадаться на глаза такому большому количеству народу.

В мешочке, который он теперь никогда не сминал с плеча, и который, казалось, врос в него, оставалось лишь два маленьких кусочка сухаря и крошки, которые он иногда вынимал и смаковал. Крохи представляли собой свалевшиеся грязные комочки, черствые, и иногда заплесневевшие.

Денег у него было в достатке – целая копейка, припасенная им на особый случай, которую он ни тратил, ни при каких условиях и берег, как собственную жизнь.

Хотя каждый день, для него мог стать особым, и «черным», он все же не тратил свои деньги, так мог их никогда и не потратить, умерев от острого воспаления или заворота кишок.

Черным днем, по его мнению, должен был стать чернейший из всех, когда-либо, случившихся с ним.

Осень вступала в свой разгар, близилась зима. Чудно, когда на землю тихо опускаются листья. Эта пора напоминает нечто необычайно важное, торжественное, явившееся неким переломным моментом в жизни людей.

Сам Егорка, в силу своего малого возраста не мог описать словами свои осенние чувства, свое настроение, но в памя-

ти его, пятнами всплывали размытые, но все же ясные воспоминания о пройденных днях, он научился различать людей, сделался более недоверчивым и опасливым.

Воспоминания эти, словно эхо долетали до его сердца, заставляли его, то сжиматься, то разжиматься, а затем, разбиваясь на миллионы искр, затухали в тишине.

Настроение его играло, словно неведомый музыкант исполнял на нем самую грустную симфонию. Мальчик никогда не слышал инструментальной музыки, лишь песни и пляски по праздникам, гармонь и балалайку, которая в ту пору была редкостью. Музыка заставляла его улыбаться, он любил петь, исполнять частушки, которые выманивали из случайных прохожих хоть и небольшую, но все же кроху съестного.

Денег никто не давал, единственную копеечку Егорка нашел в грязной лужице, которая немного подсохла и оголила краешек монетки.

Прошел дождь, Егорка переждал его под крышей вокзала.

– Подайте хлебушка беспризорику, кушать хочу, а я песню вам спою! Подайте, не дайте с голоду умереть, – обратился мальчик к женщине опрятной и миловидной, все также протянув худую руку.

– Нет у меня ничего, сама голодна, бог с тобой, – устало ответила она.

Рядом прошел мужчина, даже не взглянув на попрошайку, когда тот кинулся ему под ноги, моля о куске хлеба.

– Подайте копеечку дяденька, три дня не ел, во рту ни кро-

хи не держал! Не дайте сиротке с голоду умереть! – ответа не последовало, прохожий посторонился и исчез.

*"И ворона вкусная
И свекла не вкусная,
Ой, дай-ка мне краюху,
Чтоб жизнь была не грустная!"*

Запел мальчик.

– Подайте на хлебушек копеечку, товарищи, нищему, голодному, холодному, крошку хрустящую, копеечку полкопеечки, полкрошечки, кому не жалко и кому меня жалко! – Егорка бегал от прохожего к прохожему.

В шагах десяти от него стояло две странных (если внимательно присмотреться) личности мужского пола, непримечательные мужчины средних лет, ничем не выделяющиеся, которые чего-то ждали.

– Вы что встали, рты разинули? В сторону сойдите, пройти дайте! – сорвалась на них проходящая мимо женщина цыганской внешности, хромая на левую ногу, с черными усами, с широким и тазом, готовая им же растолкать всех вставших у неё на пути.

В руке она несла довольно большой кулек, с пожитками и барахлом, спеша, направлялась к поезду.

Мужчины промолчали, слегка презрительно поморщившись, стараясь скрыть свое молчаливое негодование, но со-

хранить при этом душевное спокойствие, которому вот-вот должен был прийти худой конец.

Выражение их лиц довольно демонстративно высказывало презрительное пренебрежение ко всему. Они вели себя безучастно, о чем-то шептались и переговаривались, спорили.

Один из них походил на старика, хотя стар не был, от него несло алкоголем и табаком, лицо его было обезображено морщинами и мелкими шрамами, оставшимися от язв кори. Не брит, зарос черной редкой щетиной, стоял тихо, чуть оскалив редкие черные зубы. Глаза человека беспокойно бегали по сторонам, а внимание не останавливалось ни на каких деталях, он нервно достал из-за пазухи папиросу, поджег кончик и растянул, пуская в воздух горький дым. Человек этот вызывал чувство отвращения у взрослых, и чувство страха у детей, и каждый, разглядевший его в тумане, получше, мог бы с уверенностью сказать, что перед ним стоит очередной негодяй, мерзавец и бандит.

Одет «мерзавец» был в грязную засаленную куртку, которая была ему велика, то ли изначально, то ли из-за обрушившейся на него болезненной худобы. Тряпье пахло кислой капустой и сыростью, рубаха без пуговиц, завязанная веревочками, торчала из под куртки, затертые серые штаны волочили по земле, собирая на башмаках грязь. Старые туфли давно стерлись.

Компаньоны сильно отличались друг от друга, в настоя-

щей жизни просто не сошлись бы, но у них имелось одно общее дело. Это не могло быть случайностью.

Они выглядели вместе странно, нежели нелепо.

Опухшие и покрасневшие глаза старика от постоянного недосыпа и безудержного пьянства остановились на мальчишке.

Пуская табачный дым, он долго всматривался и изучал Егорку с головы до ног, а затем кивком головы указал своему компаньону на попрошайку, пустив очередной сгусток дыма через рот. Компаньон обернулся и замер, всматриваясь в мальчика.

–Вон тот, – прохрипел через зубы старик, сильнее закурил кончик наполовину выкуренной папиросы, – Григорий, посмотри на него, вот ублюдох то, сойдет, нужно его брать, щенка, – вдохнув дым, продолжил, – наш будет, пока не ушел, – он посмотрел на своего задумавшегося соседа.

Второй же, молодой человек, на вид тридцати лет, в отличие от старика, вел себя увереннее и наглее, искусно изображая надменный вид. Ему была присуща брезгливость к вещам разного вида, к людям. Молодой человек считал себя птицей высокого полета, но с временными материальными проблемами – безденежьем. Он мог себе позволить вести себя так на дне общества, на котором он чувствовал себя рыбой в воде, и всякий раз пользовался случаем покрасоваться, в действительности же являлся обыденным циничным трусом.

Его звали Григорий, с фамилией, которой он стеснялся — Недоделкин.

Каждым жестом и словом, он старался подчеркнуть свою значимость, свою высоту, сделать акцент на то, что знает все лучше, а следовательно решения принимает он лично, а никто либо другой. Его компаньон подчинялся ему, и испытывал некую повзрослевшую робость и покорность перед его волей и умом, но Григорий так и остался Недоделкиным.

Недоделкин был худ, высокого роста, с бледным вытянутым лицом и острым, как у ворона клюв, носом, обладал нестираемой ухмылкой, ехидной и хитрой, иной раз кислой, как театральная маска, придающая ему некоторого негативного шарма. Ухмылка его и правда была не стираемой. Когда он спал, ел, пил, думал или совершал нужду, она отобразалась на его лице, в этом было что-то дьявольское, что-то недоброе и низкое, словно Григорий был не человек, а какой-то упырь, питающийся эмоциями других людей, как нищий черт.

Штаны ему были коротки, из-за его высокого роста, видимо, были даже ни его. Сутулость его выглядела нелепо и порой меняло его страшный образ на комический, но этим и подчеркивала его мистический и дьявольский образ. От холода Григорий съеживался так сильно, что на спине его выступал небольшой острый горб, сочетавшийся с его таким же острым носом. Здоровье его покинуло уже давно, оставив от себя лишь воспоминания, от порывов ветка, Недодел-

кин укутывался в свое "новенькое" пальто, уже запачканное и потертое, все сильнее, стараясь согреться.

Мнил он себя исключительно серьезным человеком.

В детстве Григорий был больным ребенком, имел большие почки, от чего ходил бледный, как труп. Родившийся в богатой семье помещика, жил в достатке, и почти во всем обеспечивался отцом, учился в лицее, где его совсем не любили за его внешний вид другие лицеисты, которые постоянно его дразнили, лупили и называли глистом. Унижения и оскорбления постепенно меняли его характер, он, было, хотел бросить учиться, но отец его побил, и так, за многие годы из доброго и тихого Григорий превратился в монстра. Став старше, он в полной мере осознал, что ненавидит всех и все, и любит только себя. Ненависть к миру стала его оплотом, его цитаделью.

Когда началась революция, Григорий вместе с семьей эмигрировал за границу, куда точно не известно, но, кажется, ни то в Румынию, ни то в Польшу.

Известно только то, что напивавшись западными идеями, Гриша заинтересовался политикой и экономикой, это привело его в лоно фашистов, увлеченный нацизмом занялся пропагандой и борьбой с большевиками. Общась в соответствующих кругах, в которые он уже успел вступить до начала войны, где его душевно приняли и использовали, ещё сильнее возненавидел русских и большевиков. Работал скрытно, не привлекая к себе внимания, что помогло ему уйти от пра-

восудия, пропасть, исчезнуть и появиться в советской глубинке новым человеком с поддельным паспортом.

Григорий через знакомого офицера посещал трудовой исправительный лагерь, и пришел к очевидному для себя выводу – низкие, грязные и никчемные создания не заслуживают жизни по всем законам природы человека, а после же, по прибытию на свою съемную квартиру, расстроился окончательно, ведь множество из пленных держали как скот, вместо того, чтобы жечь в печах, и еще о многих античеловеческих вещах.

Переродившийся Неделкин верил только в обезличенный, тотальный капитализм, властолюбивый и любящий деньги, без копейки за душой (хотя все же такая все же имела у него за душой), имел рублей тридцать капиталу, лишенный всех прав и не имеющий даже настоящего паспорта, опасался ареста, и в тайне изрыгал желчь ненависти и неудовлетворенности на весь белый свет. В Советской России он был никто, жалкий мошенник и преступник, когда на западе слыл пропагандистом и идеологическим проповедником, ни один раз оказавшим помощь нацистам западной Украины.

Руки его были в крови, он убил своего соумышленника, приставленного к нему для работы, убил он его при своем позорном бегстве от Красной Армии и ареста, забрал все его ценности и, стопку поддельных паспортов, но быстро растратив средства, остался ни с чем, один на один со своей корыстью.

Случайно попав в тыл своего врага, Григорий жаждал скорее уехать подальше, раз и навсегда и более никогда не посещать разрушенную и опустошенную страну, по его мнению, безнадежную и обреченную на распад, разложение и последующий крах. Мечтал он и о том, чтобы заняться своей прежней деятельностью – террором, и, уйдя в подполье продолжить решительную борьбу чужими руками. Готовый на все, даже на убийство, он грабежом, обманом, мошенничеством, добычей денег и заколачиванием своего нового состояния. Боялся Григорий внезапного ареста, при котором его сущность могла бы раскрыться, и, лишив всего нажитого, суд отправил бы его в тайгу валить лес, либо к стенке, чего Недоделкин боялся ещё больше.

Всем телом дрожал Григорий за свою жизнь и одну ее лишь любил.

Глава 8.

Пропагандой в Союзе Григорий не занимался, это было слишком опасно, всегда держал язык за зубами и представлялся рабочим *** завода, и как было сказано, выше, был тот ещё трус. Когда дело доходило до лишних вопросов от людей, он терялся и мямлил несусветную чушь. Поэтому, его воспринимали, как некоего дурачка заику.

Его компаньон Виктор Алексеевич, или просто Сургут Витя, будучи участником гражданской войны, дезертировал,

заялся грабежом сел и деревень на Дону, но по окончании междоусобицы бросил это гиблое занятие и, боясь ответственности, скрылся в *** области, залег на дно и несколько лет сидел смиренно, работая в колхозе под чужим именем, пока его не раскрыли.

Виктор напомнил о себе в годы Великой Отечественной, сбежав от мирной жизни, оказался в лесах Белоруссии, и отнюдь, ни на стороне Красной Армии. На закате войны чудом спасся от преследования и расстрела, превратился в бездомного бродягу, а затем в алкоголика без документов. Его повстречал Григорий, сразу понял, что перед ним матерый убийца, замучивший не одного человека.

Используя влияние шантажа, и обещание отдать Виктору поддельный паспорт гражданина Союза, Недоделник завербовал его в свою банду, так и став использовать его в своих корыстных целях до самого начала рассказа, шантажируя паспортом, который хранил в своем кармане.

–Щенок, – огрызнулся Григорий, – но каков щенок! Сойдет! – он подмигнул Виктору.

–Тогда берем его, – чуть сорвался Виктор с места, но был остановлен властной сухой рукой, опешил, и сдал назад.

–Ну что опять? – проямлил он.

–Не спеши, твоя неуклюжесть до успеха не доводила ещё, стой и жди.

–Смотри же, тебе виднее, – согласился Виктор, смущенно опустив глаза и сплюнув.

Егорка собрался уходить с вокзала к своему сарайчику, чтобы пообедать в тишине и приготовиться к ночлегу, сообщники догнали его на выходе.

В это время навстречу им хлынула толпа рабочих, почти сбив Егорку с ног, смятением воспользовался Григорий.

Подельники быстро и незаметно окружили мальчика, принялись за работу. Дело с самого начала пошло на ура.

Григорий, подойдя сзади, схватил Егорку, одернул за плечо, развернул к себе лицом. Мальчик от испуга вздрогнул.

–Пустите! Кричать буду! – воскликнул Егор.

Затем общее молчание и оценка друг друга продолжалась несколько секунд. В это время напарник Григория отрезал путь к бегству, встав почти вплотную к спине мальчика.

Виктор испугался, подумав:

–«Все пропало, ах он щенок»! – опять сплюнул.

Включив все свое актерское мастерство, Григорий создал доброжелательную улыбку, заглянул весело в глаза мальчику, и заговорил первым:

–Друг мой! – воскликнул он, будто бы обрадовавшись встрече, – сколько лет, сколько зим! Ты ли это, милый друг? Забыл меня? Не узнал? Обидно-то как! А давай от души споем и я прощу тебя? Ай, нет! Я тебя и так прощаю, за нашу с тобой дружбу! За то, что свиделись! Ай, друг мой! – его хитрая ухмылка все же проявилась на губах, как бы он не старался её стереть. Говорил Григорий наигранно фальшиво, выражение его глаз было обманчиво, но загадочно, и можно

было ошибиться, подумав, что такой Григорий никогда не злился, никогда не расстраивался и не входил в ярость, что он добрый человек.

От неожиданности Егорка несколько растерялся, и пока мальчик приходил в себя и соображал что к чему, кто перед ним и знает ли он его вообще, Григорий действовал.

–Копеечку? – неуверенно промямлил Егорка, по привычке.

–А! Да этого добра я тебе мешок дам! Каков молодец! Дело за этим не встанет! Копеечку он захотел, али ты думаешь я тебя обманывать буду? Успокойся и не шути так, – Григорий по-дружески хлопнул Егорку по плечу, – а ну-ка держи, – вытащил из кармана две желтые латунные копейки, – держи крепче, отдаю красавиц, смотри какой цвет, словно золото! И дядя Витя копейку подкинет, сейчас же, но есть одно «но» – это непросто от чистого сердца, это от души, от чистой души, светлой, чуть-чуть ни за просто так, – он показал на пальца это «чуть-чуть» и продолжил, – нам нужна твоя помощь, твоя, без тебя, друг мой, дело не сдвинется ни на дюйм, – Григорий задумался, – дельце горит, небольшое одолженьице, скорее там даже, чем дельце, легкое, словно пустяк» одолженьице, – Григорий помотал головой, щелкнув через язык – «пустяк».

–Дядя, я занят, я не могу помочь, занят, занят, ухожу, – развел руками Егорка, и хотел было направиться к выходу, но его удержали.

–Подумаешь! А дело – это наш секрет! Есть же у людей секреты, – Недоделкин изменился в лице, став серьезнее, – у тебя есть секрет, ну, примеру есть? Думаю, есть, – не дождался он ответа от мальчика, – Поспорим?

–Пожалуй, найдется, но с чего бы мне рассказывать? Я вас не знаю, вы чужой мне, – смягчился Егорка, почувствовав, что он в западне.

–Ну что ты, какие же мы чужие? Брат! Отдаю тебе пятнадцать копеек, за такую мелочную услугу, и все из-за того, что мы братья с тобой, почти как одной крови!

***

Спустя нескольких месяцев одиноких скитаний, Егорка вернулся домой, туда, где его уже не ждали.

Прошло много дней с того момента, когда он покинул его. За время его отсутствия вокруг ничего не изменилось, только природа изменила цвета, но цвета казались мальчику привычными и знакомыми, что не волновали его маленького сердца. Дух страшный безмятежный царил в деревне, словно деревня умерла, словно сущность её, веселая когда-то и живая – люди – испарилась, ушла в безмолвие и осиротела.

Мать его наспех сшила грубый мешок, в котором совсем недавно хранили зерно, о котором тогда надолго пришлось забыть, привязала к нему веревочку, и так повесила его на шею Егорке, словно камень, словно крест, который ему, сла-

бому и маленькому пришлось носить с собой годы. С этого момента мальчик сделался попрошайкой, без близкого дома, без отца, и можно сказать – без родной матери, которая оставила его в самую тяжелую минуту, чтобы спасти, прогнав его от себя.

Со временем, от дорожной пыли, от частого сна мальчика на сырой земле, мешок стал черным и грязным, как сам мальчик, которого ничуть не волновало то, где хранить собранные объедки и куски. Он не обращал внимания на грязь вокруг себя, на свои грязные по колено босые тогда ноги, на свою одежду, руки, на грязь скопившуюся под ногтями. Грязь под ногтями было дело привычным тех мест, откуда он был родом, вши мучили его, но они были ничто в сравнении со стихией, в сравнении с суровым климатом и голодом.

Скрипнула прогнившая деревянная дверь, последний раз петли смазывал маслом живой отец. Сейчас же петли заржавели, их делал старый кузнец, очень давно, когда дед его строил избу, со временем покосившуюся и зарывшуюся в чернозем по самое жалкое маленькое свое и единственное окошко.

Послышались вздохи старухи, затхлый запах ударил Егорке в ноздри, он поперхнулся от резкости, казалось, изба не проветривалась неделями, стояла вонь невыносимая, которая выбила вечный запах печной гари, всегда казавшийся мальчику верхом неприятных запахов.

– Кто там? – прохрипела испуганно старуха и зашевели-

лась.

–Я, бабушка, – Егорка сглотнул комок, ему стало тяжело на душе, он захотел плакать, – где мамка? – процедил он сквозь наворачивающиеся на глазах слезы.

–На работе, к вечеру придет, – Егорка подошел ближе, тогда он увидел распухшее лицо старухи, её распухшие грязные стопы выступали из дырявого засаленного деревенского крестьянского платья. Она распухла до такого состояния, что не могла подняться с печи, иной раз ходила под себя, но и так редко, а дочь её приходила только вечерами, и выносила грязь из под больной матери. Старуха умирала от голода. Мучительно и тяжело.

Тогда Егорка дрожащей рукой вынул кусок сухаря из сумки и положил рядом с рукой бабушки, с маленького выступа на окне принес застоявшейся воды, но ещё годной для питья. Теперь, настоящие походы уставшей и обессиленной матери за водой к реке стали наитруднейшим делом, которое выполнялось иногда, словно с боем, и бой этот шел с невероятной усталостью ее измученного тела.

–Ешь бабаня, я к мамке пойду, – он вышел из дома и с облегчением вдохнул чистый воздух. Как сильно изменился его дом во время его отсутствия. В нем так чего-то не хватало. И Егорка понял чего – его младших братиков.

Мальчик нигде не мог их найти. Он испугался.

–"Где они могут быть?" – он принялся их искать, по известным ему местам для игр, но там было пусто, да и в са-

мой деревне было пусто. За все время не встретив ни одной живой души, он отправился к матери.

—«Наверное, с мамкой ушли» — подумал он, и пошел в сторону колхоза.

Деревня его словно вымерла, из всех домов жилыми выглядели всего два, остальные обветшали, в иных гулял ветер. И это всего то за несколько месяцев его отсутствия! О, как много нового замечаешь в тех вещах, которые давно не видел!

На большом колхозном поле работали с утра до ночи. Мать его из-за тяжелого труда и голода сильно исхудала, но как старуха, пухнуть ещё не начала.

—Эй мальчик, — окликнула его бодрая старушка у поля, — ты ни из крайней ли избы будешь? Я тебя узнала, милоч, поди ко мне.

—Да, бабаня, — Егорка кивнул ей и подошел.

—Бабка твоя захворала, от голода слегла, есть нечего, засуха, да война, каждый колосок на счету, дай бог поправится, ты как сам, голодаешь? Не растешь, а только исхудал.

—Бывает, бабаня, — снова согласился мальчик, — бывает и не ем совсем.

—А ты пойди на луг, собери полыни, отвари её, сок пей, или под язык, жуй, но не глотай. Сок он полезный будет, и бабку свою угости, теперь иди к матери, она вон в том ангаре вдали. Поспеши, а то уйдет! — старуха достала из кармана корешок и показала мальчику, — вот она, какая, запомни.

Егорка пролез меж колхозной оградой, вошел в ангар, в нем работали крестьяне. Осмотрелся.

–Ты чей будешь, кто такой? – спросил суровый мужской голос.

–Мой он! – мать Егорки испуганно выбежала навстречу, она обняла сына, и заплакала.

–Последний остался, сыночек, всех схоронила, – она долго его не отпускала, долго рыдала, но собравшись с силами, ослабила объятия и дала наставление.

–Уходи Егорка, я тебя не спасу, как и братиков твоих, на нас надежды нет, мы сами помрем, скоро, чувствует мое сердце. Слушайся Катю, и не мерзни. Как будет у нас все хорошо, как урожай бог даст, но я дам весточку, как-нибудь, или ты сам спрашивай добрых людей, а теперь иди, домой не ходи, а то, не дай господь, матушка на твоих глазах помрет. Уходи, ради бога уходи отсюда.

Наталья проводила Егорку до дороги, обняла напоследок, и ушла работать, рыдая.

Долго думал он, размышлял, а потом, осознав, что братьев его нет, зарыдал, и рыдал он до самого дома, пока не решил, что срамно будет кому-то попадаться на глаза со слезами, что он взрослый.

С луга он собрал полынь размолот в миске кое-как, по-детски, смешал с водой, и этой горькой вяжущей жижей накормил бабаню свою, которая сопротивлялась, но съела, и сам пожевал пару веточек.

Когда дело было кончено, Егорка не оглядываясь выбежал на улицу, и тропинкой устремился прочь от умирающего родного дома, испытывая лишь скорбь и тоску, уже понятную для такого маленького сердца.

Он поднялся на склон, с которого в последний раз улыбался живым братьям. Как много изменилось в его жизни, сколько людей ему родных покинуло его мир раз и навсегда, а он, такой хрупкий и маленький ещё жил, но ещё дышал.

Он обернулся, но сзади никого не было.

Глава 9.

Когда тишину нарушил тихий, но звенящий плач мальчика, он пришел в себя. Уже давно стемнело, ни одной живой души не было ни на полях, ни на дорогах – они были пусты. В окнах не горел свет. Свет – дорогая роскошь, свет требовал ухода, присмотра, лучины догорели. Собаки заснули.

Ветер навевал мальчику о теплом доме.

– Попробую вернуться домой, может, мама и не хотела, что я уходил насовсем, только на чуть-чуть. Вернусь, она и рада будет, – тогда он стал искать путь обратно, через спящую деревню, в которой ему подали крохи, через поле, он вышел к реке.

Река стояла неподвижно, широко раскинувшись, ели блестя своей гладью от утренней зари. На траве поднималась роса, и плыл легкий туман, который вот-вот должен был со-

браться в сплошную белую стену.

Паромщик на другом берегу спал, он ушел в свою хату, и не думал о том, что бедный мальчик мог звать его на помощь до тех пор, пока не сорвал голос.

Никто не приходил, не откликнулся, огни не загорелись. От влаги бросало в дрожь, сумерки били по глазам, Мальчик не спал всю ночь, от усталости косились ноги, голод пробудил жажду. И тогда, бедный мальчик решил поискать убежища, чтобы немного прикорнуть.

Покуда река тянулась далеко за горизонт, солнце уже поднялось, а маленькие ножки все пробирались вдоль берега не хоженными тропами.

Вдали показалась труба дыма, ели заметного белого и тянущегося вдоль глади воды.

Солдаты.

Лагерь солдат оказался для мальчика оазисом, живым уголком, где все кипело и жило, среди мертвых равнин и полей. Песни, смех солдат оживил в нем интерес. Егорка тихо-нечко подошел к лагерю, и взяв в руки сумку робко посматривал, что будет дальше.

Из палатки вышел старшина и увидел беспризорника. Поправил на бок козырек, улыбнулся.

— А ты чей? Что стоишь, как бедный родственник?

Егорка боялся нарушить тишину.

— Аль немой? — продолжал улыбаться старшина, — или боишься нас?

–Ничей я, пришел из деревни, дяденька, разрешите переночевать рядышком, где сухенько.

–Ничейный говоришь? То есть, сирота ты? А ел давно? И не спал что ль ночь?

–Меня выгнали, ночью я шел, вон оттуда пришел! Из-за реки, там моя деревня, сказали чтобы не приходил. Там голод. Есть там нечего, жевали траву...

–Ей, повар! Тащи суда что есть, надо мальчика попотчевать, и в баню его, Егор – отмыть! И в чистое, ушить по размеру, сделаем из него солдата, и пусть уснет! Выполнять! –скомандовал командир, – сделаем немного добра, не штаны же просиживать.

Принесли еды, тазик воды, чистую одежду, ушили и утянули кое-какие солдатские лохмотья, дали рабочую фуфайку.

–Держи сыночек, это тебе к осени, вряд ли мы тебя оставим с собой. Без приказа, да и отошлют тебя в дом к беспризорникам, так что, коли пойдешь своей дорогой, береги фуфайку, она теплая, хоть и потертая.

–Спасибо дяденька! – улыбнулся уставший Егорка.

–У солдата, свои сынки дома, смотришь на тебя и сердце кровью обливается, а теперь иди спать в палатку! – солдат проводил его и Егорка, свалившись с ног уснул крепким сном.

Покуда он спал, каждый солдат думал о доме, о родных. Никто не смел повышать голоса, дабы не разбудить уставше-

го мальчика.

Как они там, живы ли, здоровы ли?

Разбудил его солдатский смех, мальчик потянулся, собрал вещи и вышел из палатки, где солдаты собрались вокруг ежа.

– Можно мне взять? – попросил их Егорка.

– Бери! Он твой! – засмеялся солдат, – нам он одна потеха.

Мальчик взял на руки испуганного ежа, и отнёс в заросли, где спрятал его в траве, и стал ждать, пока еж убежит.

– Иди! Ты свободен! Уходи!

Но ёж боялся.

Тогда мальчик отбежал и прислушался – еж зашелестел травой и листьями.

– Иди домой, к маме, славный ежик, – прошептал Егорка, и вернулся к солдатам. На утро другого дня, его переправил паромщик обратно на родной берег, под молчаливые взгляды солдат.

Глава 10.

Ворчливый старик крикнул:

– Причалили! Выходи, – и мальчик спрыгнул на каменистый берег.

– Спасибо дяденька, – улыбнулся он старику.

– Не благодари! – махнул тот рукой.

Дело было сделано, река была преодолена, и Егорке оставалось решить назревший вопрос – куда ему идти, домой,

дальше, или уйти куда глаза глядят?

– До ближайшей деревни – решил он и браво тронулся, проникшись духом солдатства.

Деревня лежала в километрах десяти от берега, взбираться на бугор, он не захотел, и побрел вдоль, набрал пару ракушек, и вскрыл их, съел.

– Скоро и этого не будет – подумал мальчик, скоро осень, листья будут сыпать, и дорогами не пройти – грязь, да снег по пояс. Тогда в город! Домой я уж не вернусь.

Со временем, от бравости духа не осталось и следа, ни одной живой души не встретил мальчик на своем пути. Только чайки иногда нарушали тишину и шуршание ив. Снова в сердце забралась грусть и страх перед неизвестностью. Приближалась осень, это чувствовалось в ветре, солнце не так грело, птицы не так пели.

Деревня оказалась скудна, в ней не дали ни крохи, тогда мальчик обошел её и воротился на поля, пошел в сторону заходящего солнца.

– Добраться бы до соседней, там переночевать, или до стога!

На полях раскинулись скудные стога, засуха погубила и траву на сенокос, и урожай. В деревню мальчик вошел поздно, рядом показался лес.

Никто не пустил его в дом переночевать, даже в хлев не пустили. Последний дом стоял на отшибе, под деревьями шла тропинка к нему, создавая своего рода туннель, мрач-

ный и пугающий. Покосившийся забор мальчик перелез и вступил на застывшую грязь двора, направился к двери, проходя через деревянный, пахнувший скотом сарай.

Дикий вой раздался позади, сковав все движения мальчика, который не мог бежать от страха.

Шум скачущих лап оказался совсем близко, чтобы понять что произошло. Три озверевшие собаки накинулись на Егорку, таща его в разные стороны и скуля от злобы и наслаждения. Самая ловкая больно грызнула за руку, но мальчик вырвался на секунду и упал под стену сарая, свалившись в полойную яму. Он зарылся в отбросы с головой, оставив собакам самые мясистые места на пятках и спине, которые они принялись раздирать поочередно с радостным визгом.

Текла кровь из ран, теплая, запах её бил в ноздри псам, подбадривая их прыть.

Для мальчика – это был конец, текли слезы, боль уже не чувствовалась, холодная земля и страх сковывали все эмоции. Мальчик потерял сознание. Все смешалось, визг, кровь, нечистоты и страх, все обрушилось в пустоту.

Глава 11.

-Почти как одной крови! – повторил Григорий, – брат!

-Мои братья умерли, – сухо ответил ему мальчик, – их больше нет!

-Бедный мальчик! – утешься, теперь я твой брат! – он до-

стал пятнадцати копеечную монету и показал мальчику.

–Видал? – у Егорки закружилась голова, голова закружилась и у спутника Григория, который стоял в сторонке и сверкал жадными глазами.

–"Вот бы выпить на эти пятнадцать копеек, а он всяким вшивым их раздает!" – подумал он, и обиженно сплюнул.

–Разве можно отказаться от пятнадцати копеек? Обижает! Тут никаких "но"! Бери!

Мальчик схватил монету, проверил её положил в карман.

–"Какой щедрый дядя" – подумал он.

–По рукам! – Григорий схватил руку мальчика и пожал её, закрепив их негласный договор о взаимопомощи.

–Как я уже сказал, мой дорогой мальчик, нам с другом нужна твоя помощь, мы уже большие с ним, для таких дел. Пойми, дело мелочь, тебе же тепло и уютно, и деньги уплачены! Мы гостеприимны, нам от этого удача! Пойдем уже! Время к вечеру!

Внутреннее предчувствие подсказывали мальчику – не идти, но такая удача! Но такая сумма в кармане – говорила об обратном! Такой азарт терять нельзя!

Возможно, мальчик полагался на свой опыт улепетывать в сложных ситуациях, на свою проворность и везение, и на этот раз, желание насытиться покорило чувство опасности. Так мальчик попал в лапы самого опасного чудовища.

За последнюю неделю мальчик сильно истощал, и сделался слаб и худ, ему попался удобный случай подработать, вме-

сто планов отправиться в город ***, он отправился с незнакомцами к их съемной квартире. То, что квартира не их, а съемная он не знал, не знал, что они и не земляки ему вовсе, а чужие.

Чувство голода постоянно напоминало о близкой смерти. В такие минут жизнь человека всегда висит на волоске, каждая секунда промедление – утраченные силы и энергия. Истощаются скрытые силы, организм начинает увядать, словно росток без воды, отбрасывая лист за листом со своих веток. А душа человеческая хватается за любую возможность сделать свою жизнь лучше, вылечится, избавиться от страха голода и мучений.

Мальчик делил жалкие крошки на порции и подолгу держал их под языком, чтобы почувствовать вкус, вместо пустоты и безвкусного воздуха.

Все его богатство – кусок плесневелого хлеба в сумке, и две копейки в худом валенке, завернутые в тряпочку, грели сердце. К ним прибавилось ещё и пятнадцать копеек!

Он достал её и принялся любоваться, такой большой он никогда не видел! Она свела её о с ума, помутила его разум!

Согласиться – это так естественно.

– "Рискну" – подумал малыш, и ошастливленный, улыбнулся, положил монету во внутренний карман фуфайки.

Осенние ноябрьские дни придавали улице унылости и грязи, гряз расплылась по всему городу, превратив дороги в трясины, вязли люди, вязли проезжающие телеги.

Разруха и голод проникли в эту грязь, и вместе с ней жили, вместе с ней растекались до самого порога домов, затекали в подъезды, коридоры, проникали под дверные щели, и оставались в комнате навсегда, грязь затекала и забиралась в самые души людей, пачкая их, мажа в черноту. Война изменила людей, там где не было войны – людей изменил голод. Он искалечил их. Иных превратил в уродов, иных в юродивых.

Голод бывает разным. Кому-то не хватает пищи и воды, кому-то воздуха и надежд, кому-то не хватает жизни.

Глава 12.

Основную массу скитающихся и просящих милостыню составляли старики и дети.

Сначала их было мало, несколько десятков, затем – тысячи. Огромная серая масса бродила по деревням, городам, словно стая птиц перелетая с места на место в поисках счастья и тепла. Постепенно, не находя себе пристанища, стая их рассеялась, умерла и исчезла навсегда, оставив от себя лишь единицы выживших и мертвые трупы по обочинам дорог. Оставив лишь горькие воспоминания и грязь дорог.

В числе их, бродивших, был и мальчик Егорка.

Толпа шла к полям, рыть гнилую картошку. Обтесанные наспех и небрежно палки, служили орудием труда, и конечно же – голые руки.

Зима миновала, земля оттаяла так, что её можно было

рыть. Земля не высохла, чернозем обволакивал ноги, мешал идти, мешал копать, он был мягким и липким, словно хотел всосать в себя, словно трясина.

Холодный весенний ветер сушил глаза, губы, грубую кожу лица, рук, но люди с головой врывались в землю, в грязь, находили, что искали. Серые тучи разгоняли весенние лучи, принося с собой надежду на возрождение, на будущее.

Из гнилой прошлогодней картошки лепили лепешки, толкли с водой, и на жалком костре жарили. Лепешки пахли гнилью и сырой землей, основным ингредиентом которая та и являлась.

Подошла очередь сиротки, он закинул на угли наспех слепленную грязную лепешку. Запахло плесенью, и через несколько минут он достал маленькую обугленную лепешку, теплую внутри и черную снаружи.

–О, как вкусно, – прошептал он, – такой вкуснятиной можно питаться всю жизнь!

–Скорее помрешь, или живот свернёт тебя в калач, – услышал кто-то слова мальчика и ответил, – все же, она гнилая... эта картошка.

–Но есть можно! Главное пропечь получше! – посоветовал старик.

–Можно рыть её, пока земля сырая, чуть подсушит, и лопатой не возьмешь! Как камень!

–И с собой не заберешь, эту дрязгу в кармане нести, что ты?!

–Все же, ненадежная еда.

–Могу рассказать, как нас прошлой осенью смотрящий гонял по полям, – предложил сытый мальчик, своим компаньонам. Угли в костре догорали.

–Пойду ещё наберу, а то догорит, – сказал старик, молча поднялся и ушел за хворостом в тощие посадки.

–Рассказывай, все равно здесь ночь коротать, а спать в стогу, нас сколько вон много, тысяча и более. Всем стогов не хватит, придется тесниться, а тесниться – блох больше, ох кусать будут!

–Блохи нам меньшая беда... – подхватил кто-то.

–Так слушайте, – воскликнул радостно сиротка! Слушайте!

Глава 13.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, и не только хорошее – исключительно все.

Утро для мальчика началось в одиноко стоящем стогу сена на поле. Погода стояла ясная, морозная. Сбор урожая закончился, упавшие колоски рассыпались по полю, никто и не думал их собирать – прорастут. Никто, кроме мальчиков, сбившихся в кучу, так было теплее спать. Ночи стояли холодные и влажные, пронизывающие холодом своим через лохмотья до костей. По утрам густой туман, перед зарей, вскоре рассеивался, после подъема солнца и падал росой, на голые

ноги беспризорников.

Когда становилось достаточно светло, мальчики выползали из своих нор, из землянок, присыпанных обломленными ветками, из стогов, собирать колоски и упавшее зерно.

Тихо перебирая маленькими ножками километры по полю, стараясь не затоптать ни одного колоска, стараясь не погрузить ни одного маленькое зернышко неудачным нажатием маленьких пальчиков в грязь, набирали небольшие мешочки. Но ночам толкли камнями, и лепили мучные лепешки, которые к утру высыхали, которые служили хлебом для голодных и босых детей.

Так прошла неделя, другая, хлеба становилось все меньше, начались дожди, которые стали смывать колосья с полей, чернозем превращался в трясину.

Однажды утром, под дождь, мальчики собирали особенно большие колоски, которые плавали в лужах у полей, там где тянулась колея от телег.

–Прячься! – крикнул кто-то сзади, – прячься! – беспризорники кинулись в рассыпную, кто-то удрал в посадки, кто-то кинулся полем, через непролазную грязь.

Егорка не успел. Сначала он бежал, но остановился, как вкопанный, когда заметил, что на него несется галопом всадник на лошади. Время для мальчика куда-то ушло, ни остановилось, ни замедлилось. Сильный удар копытом в ногу отбросил мальчика в сторону. Сиротка прополз несколько метров, ища глазами спасения, собирая брюхом грязь, цепля-

сь маленькими пальчиками за упавшую траву, выдирает её с корнями, но полз.

Всадник развернулся и спрыгнув с лошади достал длинный и жесткий кнут, на конце которого была привязана металлическая гайка.

–Сейчас покажу тебе, как зерно воровать, щенок! – крикнул он, и сверкнул кнутом, гайка угодила ошеломленному мальчику прямо в висок. Лошадь визгнула, бесконечное пространство озарили искры, и мальчик упал в никуда, которое длилось очень долго.

Глава 14.

Жизнь, круг за кругом, играть заново, но не для нас. Она играет словно пластинка, только ноты меняются со временем, некоторые из них тускнеют, некоторые просыпаются детским криком, иные рыдают, иные смеются.

Хорошо там, где нас нет, ибо мы не знаем лучше другой жизни, чем свою. Каждый совершает поступки в согласии со своими понятиями о ней. И раз за разом поступки, когда-то жившего, даже незнакомого человека, могут повторяться другими людьми, каким бы ужасными они не были. Это говорит о том, что человек не меняется в сущности своей, не меняется его отношение к реальности, к страданиям других, в отношении к самому себе, что всегда найдется нравственный двойник человека в том, или ином выбо-

ре. И чем человек больше проживет жизнью, а то есть, чем больше он прокрутит чужих судеб в голове своей, пропустит через свой мировоззренческий фильтр, тем более сострадательным он становится. Он научится ставить себя на место другого, каким бы то место не было, ему не стыдно почувствовать себя в шкуре даже самого бедного и жалкого человека на земле.

Мальчик очнулся в сырой землянке. Пахло листьями и землей.

–Пить, – произнес он, – в горле пересохло.

–Очнулся! Живой, – улыбнулся ему грязный мальчишка через ветки, – думали уж помер! Ты не шевелись, он тебе все отбил, все отколошматил! Живого места на тебе нет. Нам бы позвать кого, а некого! Придется своими лепешками с тобой делиться, на попей, – мальчику протянули жестянку, наполненную дождевой прохладной водой.

Все тело болело, в груди защемило, губы были разбиты, от удара кнутом по лицу расплзалась гематома, которая наполовину затянула глаз мальчику. Он старался вспомнить, что произошло, но не мог, все вылетело из его головы, помнил только скачущую на него лошадь, и удар о землю. Остальное – темнота, иногда сны, бестолковые сны, бредовые сны.

–Скажи спасибо, что хоть зубы целы! Да живой остался! Он от тебя добрых часа два не отходил, лупил и лупил! На спине живого места нет, так что лежи на боку! Мы его теперь за версту чуем, наши дежурят, его высматривают, половина

наших ушла, разбежалась после того раза. Ходить сможешь, так и мы уйдем! Нечего здесь больше делать, в следующий раз – убьет, и ничего ему не будет!

–Какое сейчас время? – спросил сиротка.

–Полдень уже, ты второй день валяешься без сознания, как этот дядька отошел от тебя, так мы тебя сюда и перетащили, присматриваем за тобой по очереди. Твои плюшки целы, мы их подобрали, а вот колоски тот дядька рассыпал по полю! Так и тряс, пока последний не вылетел. А потом, принялся за тебя! И ногами тебя давил, и кнутом, хотел коня на тебя натравить, а тот не пошел, чуть не скинул его, ну и удрал на нем! А мы спрятались, ели живые от страха, да он видать, устал! О нас забыл! Иные так и просидели до вечера, все мокрые от дождя, замерзшие. А ты крепись! Жизнь – одна.

–Спасибо вам, – произнес Егорка и уснул.

Когда он проснулся, у него разыгрался аппетит и он съел половину лепешки.

Ощупал лицо, заплывший глаз, едва дотянулся до изувеченной кнутом спины, смотрящий специально сдернул лохмотья и оголил кожу мальчика, чтобы кнут всегда достигал своей цели, поэтому голова оказалась ими прикрыта. Попробовал перевернуться, но тело не слушалось, засохшие раны стали лопаться, пошла кровь. Беспризорники принесли старого подорожника и обложили спину мальчика свежими листиками, так листики они меняли по несколько раз в день,

отрывая вместе с кровью от ссадин.

Гайка оставляла глубочайшие синяки, сдирала кожу, сам кнут – борозды вдоль и поперек. От ударов сапогами затекли и опухли ноги, но сломаны не были. Ребра – целы, но помяты, грудную клетку пришлось расправить, она громко хрустнула, но встала на место, долго ещё напоминала о себе. Пальца оказались целы, губы разбиты ударом сапога. До зубов дело не дошло. Одна сломанная кость могла стоять мальчику жизни.

Снаружи лил дождь и мальчики прятались по землянкам и скирдам. Иногда сиротка просыпался, чтобы выйти в туалет, его приходилось аккуратно поднимать и выносить, так, как ноги его ещё не слушались, иногда он мочился под себя.

Так мальчик провалялся около пяти дней, пока еда не закончилась, пока ему не стало лучше и не пришла сухая погода. Время, на все эти дни словно застыло, а он, словно птенец вылупился из яйца, голый и беззащитный, потерявший свою грубую кожу и прыть.

Раны стали понемногу затягиваться.

Он заскучал, думы не думались, никакие мысли не приходили в голову, кроме, как о родном доме. Случившееся его опустошило, когда он смог полноценно ходить, ребята помогли ему. Наверное, он бы не рассказал обо всем матери, чтобы не волновать её, чтобы не беспокоить, предпочел бы молчать о своих днях на улице! Ни слова не проронил бы! Даже братьям своим бы смолчал, если бы только вернулся

домой, но туда нельзя! Особенно в таком жалком виде!

– "Все-таки я уже взрослый!" – думал он, – "взрослые не плачут", – но иной раз, задумавшись об отце, или о завтрашнем дне, о том, что завтра будет нечего есть – мальчик плакал по ночам. Стараясь не выдать себя перед товарищами – тихо, спрятав лицо в лохмотья и листву, плакал.

– "Где ты, папа"? – задавался он вопросом, – "там ли на небе? Слышишь ли ты меня"?

Мальчик явился для них героем! Без страха и испуга, оставшись наедине с чудовищем, воплощенным в виде смотрящего, он выжил.

Тогда он увидел в глазах окружающих его людей уважение, то было первое уважение к нему, первое в его жизни! Он понял его, он осознал его и прочувствовал всем телом.

О полях пришлось забыть, и уйти в город, где вид его избитый и униженный вызывал у прохожих жалость, и они стали вдруг щедры до поры до времени, пока раны на лице не зажили, но душевные раны так ещё и не затянулись – они заживали долго-долго...

Так, в город пришла зима, застав впервые мальчика на улице, но не в последний раз.

Глава 15.

Собравшиеся у костра замолчали. То было немое молчание. Никто не решался его нарушить, в нем было что-то

сильное, что-то из воспоминаний, из далекого прошлого.

Молчание длилось долго, и мальчику стало не по себе от этого, словно он сболтнул что-то лишнее, стеснительное и глупое, но присмотревшись к задумчивым лицам, ели заметным при тусклом свете углей, он понял, что было причиной тишины.

–Человек хуже животного, – произнес старик, – выходит, что звери не мучают друг друга, а человек человека мучает. Получается, даже ниже самого гнусного животного стоит. Был у нас барин, в мою молодость, любил на коне мелочь гонять, одним страхом гонял, барин как-никак! Иной раз гнущим по воздуху, как щелкнет, по ушам, как вдарит, страху то бывало! А я мал был, да в слезы! А он смеяться, смешно ему мол, было! Потом, конечно, он свои шутки бросил, а в семнадцатом году, да помер! И чего он добился своими шутками? А тут случай особый, человек сейчас ожесточился, офанател сдуру! Мол, идеология у него появилась, хотя вши те же остались, без идеологии!

–Вши – они никакой идеологии не признают, всех подряд грызут! – согласились с ним присутствующие, – а люди, кто слабее – того и грызут, не то, что вши! Хуже вшей выходит – только человек! – слова встретили одобряющим смехом, мальчик повеселел.

–Могу ещё историю рассказать, раз забавно слушать! – улыбнулся он, довольной улыбкой, – про один случай с бабаней!

–Валяй! А пацан какой прыткий! Сколько у тебя ещё историй в кармане?

–Пусть болтает! Оно от того хоть легче, иной раз задумаешься, и жизнь свою забываешь!

–Слушайте! – воскликнул мальчик, и придвинулся ближе к костру.

Глава 16.

–Пшли! Пшли! – огромная рука ударила собаку вилами в бок, от чего та с визгом отскочила, – пошли отсюда черти! Ах, вы псы! – кричал угрожающий громкий голос бородатого и здорового мужика.

Псы, испугавшись, бросились в рассыпную, скуля, рыча и гавкая, обратно в лес! – им не удалось полакомиться мясом, но непременно, они собирались вернуться, и ещё долго потом ходили кругами вокруг хаты, зализывая раны и поджидая легкую добычу – мальчика.

–Мать! Мать! – кричал мужик, – сука вернулась! Ты глянь, псов с собой притащила! Скот грызть! – он склонился над ямой и присмотрелся.

–А что тут у нас? Мать! Иди сюда! – на пороге показалась старуха, наспех одетая.

–Аль загрызли кого? Как они то в катух то пробрались черти? Вроде все закрыто! – одев галоши, она подоспела на помощь сыну.

Мужик схватил сиротку за лохмотья и вытащил из ямы.

–Ах ты боже мой! – воскликнул он, – да это же мальчик!
Давай в дом его! Неужели насмерть загрызли? Готовь воду!
Грей иди! Тряпки! Быстрее давай, – крестьянин одним движением подхватил мелкого мальчика на руки, – а худой то какой! Мослы одни!

–Господи помоги! – закричала старуха, бросилась по грязи в дом, не снимая обуви. Побежала с ведрами к колодцу за водой, закинула в печь дрова с хворостом, для большего жару.

На печь постелили старый тюфяк, мальчика уложили на него и раздели догола.

–Как разодрали то! Все прокусано! Живого места нет!, а тут шмоток вырвали! Мать! Мочи тряпки, давай мыть, а то грязь в раны попадет, вроде живой, врача бы позвать! Но до города к утру не доберешься! Придется самим, надо к ранам настойки приложить, или самогонку! Тащи самогонку!

Мать его полезла в погреб, пока сильные руки оттирали с мальчика пристывшую кровь и грязь.

–Маленький какой! На вид лет десять, крови много вышло, тут вену задела клыком, кровь все идет, надо перевязывать! – он принялся затягивать раны тряпками, не слишком туго, и вскоре кровь остановилась, через белую ткань показались черные пятна, света в избе не хватало, зажгли ещё одну свечу.

–Под голову подложить что? Иль примочку приложить ко

лбу? Лоб то огненный! А сам то какой холодный! – заплакала старуха, – помрет? Скажи помрет или нет?

–Нет, не помрет! А про то, да! Так и сделаем, ко лбу при-мочку, под голову солому! Сам схожу! – хозяин вышел, вы-терев мокрый лоб руковом.

Мальчик пролежал в бреду всю ночь, до самого вечера с него шел пот. К ночи полегчало, он открыл глаза.

–Проснулся, – прошептала старуха дремлющему сыну, тот приподнялся, – ты спи бедненький, спи, закрывай глаза и спи, – она погладила сиротку по взмокшему лбу, и тот вновь закрыл глаза.

–Надо бы гасить свет, и ложиться, завтра весь день придется быть у него, не приведи господь какую заразу занесли.

–Собаки тощие, голодные, навряд ли, только погрызли, – пробурчал хозяин, ложись и ты мать.

Старуха затушила свет, и молясь улеглась.

Наступило морозное утро. Деревья покрылись инеем, холодный ветер поднимал ввысь горячий дым, валящий из труб бедной деревни, и каждый в ней просыпался от спасительного, освободительного сна. На грязные полы опускались грязные ноги, шли в сени за прохладной водой, чтобы взбодрить своих хозяев, привести их сонные мысли в действительность. Без завтрака, шли на работу, иные за несколько верст от дома, прихватив с собой небольшую черствую краюху хлеба, укутавшись в крестьянское тряпье, залатанное и рваное.

Кормили скот, поили скот. Пили вчерашнее скиснувшее молоко, вновь ложились на белье с клопами, чтобы дожидаться обеда и вновь принимались за работу, кормили скот, поили скот, а вечером ужинали, если было чем, скудной пищей, с трудом выращенной или дорого купленной летом. Встречали своих с работы, с полей, колхозов. Чистили катухи, закрывали их, закрывали сараи, выносили помои. Разговаривали скудно, уставшие мужики ложились спать. И так вновь и вновь, но по великим праздникам мед с блинами. Наравне с мужчинами работали и женщины. Иные старухи и старики работали, в которых были ещё силы, те великие силы, оставшиеся от их далекой когда-то случившейся с ними молодости.

День за днем, жизнь превращала молодых в стариков, а стариков в прах. А тех и других со временем, в течение столетий – в ничто – беспомысленность. Умер бы мальчик, загрызли собаки, и никто бы не вспомнил уж через век о нем, некто бы и не знал о нем, а сколько таких забытых судеб вокруг? О ком никто никогда и не узнает, не раскроит их переживаний, дум, не разглядит сполна душу за мраком времени.

О! Сколько талантов, гениев и хороших людей забыто! Утеряно! Погибло в борьбе за выживание, природа нагладила нас, людей, поистине небывалой жестокостью.

Время стирает все, оно старит, оно высушивает, или наводняет, оно разрушает, в то же время создает что-то новое. Как эпоха из нежных маленьких созданий создает грубых

черствых людей, или людей сострадательных, добрых, или злых и жестоких? Виновно ли время в людских страданиях? Человек приходит в мир ни с чем, а получает муки, беды, войны, затем уходит ни с чем, оставляя за собой лишь прах и скорбь. Виновна ли эпоха? Или человек сам творец своего счастья, тогда почему он не творит? Почему он не творит, а лишь сам становится расходным материалом того творца, которому что кровь – то краски?

Времена меняются, меняются и люди. Уйдут и забудутся дурные поступки, останутся лишь искренние и великие дела.

На второй день сиротка пришел в себя, поднялся с постели, почувствовал тугие повязки. Кровь плохо отстиралась и мальчик осмотрел свои испачканные бинты, испугался. В животе болело, в горле пересохло, засохшие раны лопались, от движений, вновь пуская кровь. В углу дремала старуха, проведшая все эти дни в присмотре за больным. Больной вел себя тихо, под себя не ходил, не бредил и во сне не разговаривал, а лежал словно живой труп, и только хрипло дышал и потел.

Пот сошел весь, влага из тела испарилась, ещё более высушив мальчика, который стал выглядеть ходячим скелетом.

Он опустил обессиленные ножки с печи и слег, прошелся покачиваясь по комнате. В голове кружилось, в висках побаливало. Мальчик внимательно осмотрел комнату, в которой оказался, и понял, что жив, что остался в том ещё мире, где его чуть было не сожрали монстры из темноты. Ужас-

но болели стопы ног от укусов. Сиротка смутно помнил случившееся, словно всего воспоминания о том вечере лежали в области почти забытого сна. Помнил только начало, но не помнил, что случилось после.

Затем он бесшумно подошел к спящей на лавке старухе рассмотрел её грязное морщинистое лицо, но доброе лицо, уставшее от постоянного ожидания выздоровления своего новоиспеченного птенца.

Глава 17.

*"И время пришло строить,
И мир мы построим новый,
И в этом мире будет,
Что заново разрушить,
Что заново отстроить"*

Мальчик так и не узнал имени своего нового знакомого, да и тот вряд ли бы назвал ему свое настоящее имя, ведь на мальчика у него были свои планы.

Пока товарищи не решили, как поступить с сироткой в дальнейшем времени, но оба знали о том, что искать его никто не будет. И все же, молча решили пустить это решение на самотек, потом разобраться на месте. Да и Виктор считал это не его делом, на которое он не подписывался. Это и правда было не его дело... Но их профессия требовала жертв, как

языческие боги когда-то требовали их.

Сам мальчик забыл спросить об имени, думая только о своих пятнадцати копейках в кармане.

Григорий всячески отталкивал от себя третьего – Виктора, стараясь его отдалить от разговора, чтобы тот не ляпнул чего лишнего, а тот в свою очередь правильно сторонился и не привлекал внимания к своей персоне, делал важный вид, словно он не с ними, и о них ничего не знает.

Виктор шел сзади, и редко кидал любопытные взгляды по сторонам.

Заговорил вновь Григорий, ему хотелось высказаться, разговориться, чтобы его слушали, ему это доставляло большое удовольствие. Особенно, когда он делал некие открытия для умов неокрепших, ничего не знающих.

–А ты храбрый парень, я всегда восхищался твоей смелостью, – начал улещивать, – помнишь нашу встречу? Ты тогда ещё был маленький, не помнишь? Совсем крохотный был... Тогда у тебя чаще улыбка на лице светилась, а ну-ка улыбнись, – попросил сиротку Григорий, мальчик послушно улыбнулся искренней улыбкой.

Конечно, никакой встречи и в помине не было, Григорий все выдумал, все врал.

–Когда-то был маленьким, а сейчас я вырос, – похвалился мальчик.

–А какие песни ты пел потом красивые, за душу так и задели меня, на слезу пробрало, плакал, и не мог наплакаться!

Поверь, плакал, и причем так искренне, как никогда не плакал! Тебя я сразу узнал! Из толпы тебя узнал, не спутал ни с кем, тебя нельзя спутать, ты один такой! Прохожие идут все мимо, да мимо, и тут я тебя и увидел! Не мог не подойти! И понял я, и понял, что это судьба тебя повстречать в такую тяжелую минуту для меня. Тебя мне бог послал! Бог свел нас тобой, что бы я возрадовался своему спасению, и знаешь, за такое дело мне ни сколько для тебя не жалко! Все бы отдал тебе, что имел! Обрадовался я, о, как искренне обрадовался! – Григорий потрепал одобрительно мальчика за ушко.

–Так обрадовался, как никто и никогда не радовался! Душа моя запела! – вскрикнул он вдруг, словно ужаленный, находясь на пике своего лицемерия, так ты мне в сердце залег, что просто жуть! – мальчик смущенно раскраснелся, – узнал бы тебя из миллиона людей, а что тут – из миллиарда таких же абсолютно одинаковых, похожих как две капли воды – узнал бы, веришь – нет? Видел ты когда-нибудь миллион людей?

–Это, наверное, так много, что не видел наверняка, даже и не знаю сколько это, меня в школе не учили, – спокойно ответил сиротка, словно гордясь, что не учился ещё в школе, – видел меньше, но не знаю сколько это будет, но много – это точно, вот сколько, – мальчик радостно показал расстояние от забора вокзала, который остался далеко позади и до ближайшего фонарного столба, который светил все ещё вдали. Тогда крестный ход был, много народу собралось.

–У-у-у, то, что ты видел – мало! Несравненно мало! Ничто, так сказать, – вновь вмешался в разговор Григорий, внимательно выслушав мальчика, – вот однажды увидел миллион... эх! И все такие разные, всякие-всякие. Представляешь себе тысячи и все из этих тысяч разные? О, как это возвеличивает тебя самого, так чувствуешь себя от других отличным, особенным, а они ничто для тебя – незнакомцы. Отличаешься и радуешься, что отличаешься, что никак все, и себя любишь за это ещё больше! А их ненавидишь, за то, что на тебя не похожи! Как заново в себя влюбляешься, любишь себя собой, и смотришь, так и смотришь свысока на тех, кто хуже тебя, и ещё больше себя любишь за это, безразмерно любишь! Безгранично!

Они все хуже, и недостатки их хуже, грязные они все! В пороках все, а ты один чистый и не порочный! Погрязшие они в них, пороках то своих, а у тебя их нет, или меньше намного! Они мучаются, страдают, а ты только радуешься, да наслаждаешься их мучениями, смакуешь жизнь свою, растягиваешь удовольствие свое, созерцаешь их никчемность, а себя возвеличиваешь. Тщеславие свое растягиваешь, знаешь ведь наверняка, что тебе наплевать на все, а им нет. Тебе и на них наплевать! Потому что они ничто – сброд, стадо! В этом вся и разница, друг мой – ты благородный, а они все чернь!

Григорий перевел дыхание.

–Есть же хорошие люди, и их больше чем плохих, – ответил мальчик.

–А вот и нет их! Хороших то! Не так все, как ты думаешь! Все не так! По крайней мере, я так решил, – и тут вновь повторил, – я так решил, – и добавил, – по крайней мере – для себя.

Хороший – хорошим, а тут вдруг делается такое, от чего становится плохим! Оказывается, и не хороший то был во-все, выходит так себе был, выходит – хороших то и нет!

Мне вот что кажется, есть плохие и средние, середняки (середнячки), – заключил Григорий, сделав утвердительный жест костлявым кулаком.

–А как это – средние? – не понял мальчик.

–Средний человек – когда ни то, ни сё, ни туда, ни сюда, вот это как! Посредственный! Он средний во всем! В поступках, в мыслях он средний, в желаниях, в идеях даже, в недостатках своих средний, в жизни средний – только представь себе! То плохо, то хорошо поступает, от этого страдает, что принять ни одной стороны не может! А это его, среднего человека разрывает, а нет бы, принять ему одну из сторон, и проблема решена! Исчерпана проблема то! А итог таков – что плохим то и лучше быть, чем хорошим, во-первых – проще, а во-вторых – выгоднее. Для себя то выгоднее и удобнее будет!

–Получается, ты плохой? – мальчику казалось, что рядом идет умный и добрый человек, который не посмел бы причинить ему, беззащитному созданию, боль, унижить его или оскорбить. По мнению сиротки – Григорий казался искрен-

ним, но странным человеком, с которым имел дело было приятно и выгодно. Такое мнение сформировалось у него за первые минуты.

Виктор отдалился, до него долетали лишь короткие обрывки фраз и некоторые слова. Он шел, погруженный в собственные мысли, обдумывал предстоящее дело, пока Григорий был занят, прокручивал раз за разом воображаемые ситуации, побег, бой, не пропускал даже некоторые мелочи, порой и совершенно лишние, не имеющие к делу никакого отношения. Идеей выбивал идею старую, и тут же выдумывал новую. Иногда покашливал, но все время молчал.

А мальчик тем временем отогревал немного озябшие руки и все с большим вниманием слушал Григория.

– А вы будете меняться? – спросил сиротка.

– Нет брат! Что ты? И не собираюсь! Принципиально не собираюсь! Принципы – это все! Без них жизнь не жизнь, а так – скука одна что ли? – не уверенно спросил Григорий сам у себя и сам себе ответил, – м? Да! Она самая, что ни на есть – скука!

Вот нет тебе дела до чего-нибудь, а тут вдруг загорится, появится, и как бы родиться на свет принцип, и все тут! Настоишь на своем, не отступишь, мол принципы у тебя такие, то-то будет по-твоему, ибо слабый человек против них не пойдет, а ты же со слабыми людьми и живешь поручу, то рядом за стенкой они, то за столом с ними сидишь, везде они – слабые люди. Специально себя ими окружаешь, что бы

всегда одерживать верх над ними, только побеждать! Себя этими победами возвеличиваешь! О, как этим упиваешься сполна! До отупения от страсти!

Или делаешь их "средними", серыми так сказать; ну и конечно же, слабыми их делаешь – сам делаешь их такими, словами, делом, положением своим в обществе унижаешь их, довлеешь над ними, опускаешь все ниже и ниже в своих глазах, окружающих, оскорбляешь, лишаешь всего, что можно, бьешь затем, нещадно бьешь их! Всегда работает!

Вот почему принципы в деле – самое главное и важное, без них ни-ку-да! – по слогам выговорил Григорий, протяжно и с акцентом, вздрагивая от своих высоких мыслей и фраз. По коже от наслаждения самим собой бегали мурашки.

–Только для себя можно жить брат! Это так одурманивает, страсть и азарт появляются в крови, от этого не отступишься, этого будет мало, больше захочется всегда!

Доволен ли ты своей жизнью? Знаю, что нет! И я своей жизнью не доволен! Хочу большего, многого хочу – власти, денег, женщин! Этого каждому сильному нужно, каждый жаждет! Но не все об этом говорят. Молчат, и в их молчании есть что-то необходимое. Времена такие. А вот слабый не скажет, промолчит, не будет свои претензии на власть высказывать, интересы свои показывать, и своё якобы "право" иметь явно, при всех. Потому что сильный его отучит хотеть, желать и думать! В тот же час на корню отрубит все его крамольные мечтания! Все устремления его, ибо ему са-

мому власть и деньги нужны, и он их никому не отдаст, брат, никому и никогда! – воскликнул Григорий, – он на все пойдет, но не расстанется с ней, – с жаром доказывал он сиротке, глаза залились краской и сверкали, но в темноте это не было видно, – в могилу с властью и уйдет, но никому её не отдаст! На то он и сильный, чтобы власть иметь, держать её в кулаке, в лапищах своих! Хочешь милуешь, хочешь казнишь (и со всего выгоду имеешь), но не милуешь, совсем не милуешь! Никакого спуска! Я бы не миловал! Даже не виновных не миловал бы! Раз под суд – значит уже виновны, ни в чем их обвиняют, так в чем-нибудь другом – не важно!

Власть по праву принадлежит сильному, предназначена по сути исключительно ему! Он избран ее носить, собой же избран, до алчности, чтобы никогда, никогда не терять её!

От сильных рождаются сильные, их право – закон! Это их право, их законы! По наследию переходящее, по статусу, над всеми царящее, над всеми властное право!

Право сильного над всеми надзор вести, со всех прибыль иметь и со всех спрашивать больше того, чем они обязаны. Наказывать нещадно, чтобы лезли в дела их только касающиеся, отобрать у них, слабых, и веру, и право на власть, присвоить в полной мере её себе! Вообще прав их надо лишить, – ни к чему им права, минимумом их наделить надо! Пить, есть, спать – вот их права! Пить, курить, блудить – вот их права! В рамки их поставить, ограничить их и закончит на этом! И никогда они из этого круга, из этой клетки не де-

нутся! Рабство без кандалов! Ибо ты не выпустишь их, да и сил у них не хватит, чтобы вырваться! Умы их будут заняты совсем не тем! Совсем!

Если кто и выйдет за рамки дозволенного, за границы – этого жестоко наказывать, брат! В пример другим. Это им во благо, это есть гуманность! Забота о них. Страх лучше милосердия и сострадания, страх заставляет трястись их члены при виде твоего могущества, чтоб как пресмыкающиеся они ползали у ног твоих, и целовали их, лишь бы ты милосердие к ним проявил! Вот чего Я хочу! Лишь бы одолженнице им сделал!

–Это же жестоко, остановился испуганный мальчик, – нужно чтобы как к тебе, так и ты к людям, меня так отец учил, плохо поступили с тобой – уйди и забудь, достойно поступили – отблагодари, воздай долг. Спасибо и скажи, или прости.

Григорий взбесился. Размышления грязного беспризорника разозлили его, он подтолкнул того вперед.

–К черту! Так от всех добра ждать? Забыть и уйти? А если на сердце останется эта обида? Накопиться злость и ненависть, и уйти уже не уйдешь, и остаться не останешься, не забудешь и не простишь – это вернее будет, не простить! Вспоминать каждый раз, влезет в голову эта мысль, и топором не вырубешь, а потом как выльется злоба на обидчика твоего, или не на него, а на того, кто рядом будет, это все равно на кого! Отомстишь сполна, и мезтью насладишься, ох как насла-

дишься, вот уже тогда и забыть и уйти можно! Но нет! К черту! Если обидчик слаб оказался? То и мучить его начнешь, и не отпустишь его под "благородной" кары своей ни на минуту! Как птица в клетке будет он, – тут Григорий рассмеялся истерическим коротким, и до тошноты странным хохотом, но сразу же очнулся и продолжил, – ты, брат, одно запомни – жить нужно только для себя и плевать надо на всех, кроме себя! Или жить – или страдать!

Наплевать! Ты должен в рядах первых быть, тогда и выживешь, тогда заживешь безотвязной безобразной жизнью (беззаботной), за тебя все делать будут, за тебя! А сам будешь заслуги присваивать, достижения на себя записывать, средства копить, и отбирать! Вот тебе и рукотворный рай! И потом не нужен будет оазис на небесах, который для тебя исчезнет за ненужностью.

Ты в раю, а остальные пусть мечтают о нем, работают, работают и работают! Пашут, сеют, жмут, дерьмо за свиньями чистят! Все затопит чужая слабость, слабоумие!

Немцы это поняли и воспользовались шансом. Это самими людьми предрасположено, и в этом нет никакой мистики и случайности. Шло к тому, и случилось ЭТО, но слабы оказались и рухнули, но идея сильна, и никуда она не исчезнет, и никуда не денется, от случившегося отдалится, но выживет! И не обратить этого вспять оружием. Это идея будущего, её поддержали сильные, те, которые сильнее немцев! Те, которые сильнее большевиков, которые и их используют для

своей выгоды, когда представится возможность, незаметно и бесповоротно. Так и должно быть!

Но что ты, мальчик, понимаешь, не дорос ты до таких вещей, но я хочу тебе сказать одно, запомни раз и навсегда – война ещё не окончена, она только начинается, и мы, её адепты борьбы с большевизмом, в ней поучаствуем! И выживет в ней сильнейший, то есть хищник! А слабые будут пресмыкаться.

Необходимо быть хищником, терзающим свою жертву, прилюдно причем, чтоб все видели и говорили об этом, а затем замолчали раз и навсегда – или заткнуть их! – молодой обезумел от своих размышлений, рассказывая о идеалах своих, мировоззрении своем паскудном и философии своей прогнившей, так сверэмоционально и истерически, что напугал мальчика ещё сильнее, который вздрагивал от диких жестов Григория.

– Ни жалости, ни любви, их не может быть и не будет! Не должно существовать! Их выдумали слабые! Стереть их! Вот мой девиз – стереть! На этом и закончу, – уставши, Григорий вздохнул.

Бурный подъем и накал эмоций расстроил мальчика, он ожидал услышать совсем не то, и уже больше хотел убежать, но не мог. Добавить к размышлениям Григория ему было нечего, он был мал, но понял, инстинктивно понял, что не тому учил его отец, и что все размышления спутника в корне не верны, не правильны.

Мальчик решил, что Григорий неосознанно ошибается, чего-то не понимает, но возразить ему не мог, и убедить, помочь не мог и от этого расстроился ещё больше. Для мальчика все было просто.

—Отец учил меня любить своих близких, я люблю своего отца, иногда он приходит ко мне, я слышу его шаги за спиной, — по щеке сиротки скатилась слеза, но Григорий этого не заметил, он уже не слушал мальчика.

Только сам Григорий знал, зачем он сделал такое откровенное и искреннее вступление. Разговор самим с собой утомил его, ему захотелось помолчать.

Последние годы Григорий страдал расстройством личности. К мигрени и нервным срывам добавились ещё и эпилептические припадки. К том уже стали проявляться шизофренические повадки.

Состояние его совсем ухудшилось. День за днем все с большей силой расстраивалась психика. Он не мог уснуть по ночам, ему иногда казалось, что за дверью копошатся черти и скребут то под кроватью, то за стенами. Эмоциональные всплески, порой бурные происходили словно наваждение, от которого он не мог избавиться. Алкоголь усугублял положение. Григорий стал сильно кашлять, иногда отхаркивая густые сгустки крови. Покрывался холодным потом, дрожал, то ли от холода, то ли от страха, и не мог контролировать себя в такие часы, мочился в штаны.

Поэтому Григорий не слукавил, не играл комедию перед

мальчиком, а открыл своё настоящее обличье – час от часу хиреющего монстра, и с каждым угасающим мигом становящимся все ужаснее. Вскоре Григорию вновь пришлось одеть маску.

Глава 18.

Старуха открыла глаза и испугалась, охнула, прикрыла рот руками, и с выпученными глазами смотрела на бледного мальчика. В суеверии своем начала креститься, но потом, окончательно проснувшись вразумила, что мальчик очнулся, что это был настоящий мальчик, а не призрак покойника, и тут же вновь испугалась от того, что могла напугать мальчика своим испугом.

Сиротка не знал, как себя вести перед испуганной старухой, и только стоял смиренно стиснув свой писюлек в руке, готовый описать сяию же минуту.

–Бабань, в сени хочу, проводи, – спросил он разрешения, – терпеть нет сил.

–Ой, родимый, встал! Провожу, иди в ту дверь не бойся, – отворив тяжелую деревянную дверь старуха проводила мальчика до уборной. Собрала подол в руки, уложила сиротку обратно на печь и принялась греть щи.

В животе жгло, жажда мучила его. Старуха набрала кувшин воды, напоила малыша и усадила за деревянный засаленный от жира, но чистый стол.

Щи, как ни кстати, получились кипятком. Сиротка алчно закинул первую ложку в рот не стужая, и тут же выплюнул от боли.

–Кипяток! Студи! – расстроено пробурчала старуха и подала холодной воды.

Нёбо обшкварило, оно долго болело и начало затем облазить, но мальчик через боль смиренно съел свою порцию жирных щей.

–Спасибо бабаня! – мальчик улыбался, озорно болтая ногами под лавкой, – а ты одна живешь? – спросил он.

–Ой, что ты милый, с сынком, это он тебя от собак спас.

–Так это были собаки? – удивился сиротка.

–Ещё какие, псы, одичавшие, вокруг деревни, да по лесу бегают! Теперь от них одно расстройство, то куру какую загрызут, то во двор залезут.

–А я думал, что это были чудовища зубастые, темно было, уж я как испугался! Правда и не помню ничего толком.

–И-шо бы помнил, несколько дней лежал бессознательный, думали – помрешь, – старушка всплакнула.

–На кой бог вас по миру пускает? Детишек то! Когда мы были маленькие, такие как ты, мы по миру не ходили, холодно было, и голодно, одна пара тапочек на всех детей, а нас было пятеро, на одних пустых щах жили и куске хлеба. Но по миру то не ходили! Хоть и на помещиков горбились, но по миру не ходили! Вот, что война окаянная делает! Воюют взрослые, а расплачиваются дети и внуки. Оно то и тут го-

лодно, деревня богатая была, у всех скотина, огороды, в колхозе работают, но оно то и нам досталось! Какого же в других селах, деревнях, в бедных, нищих? Совсем худо? Иной день, на зубах не крохи! Уж цинга начала точить!

—Голодно, бабань, меня из дома выгнали, чтоб не захирел. Сначала с сестрой шел, теперь один. Разлучились мы с ней. А теперь дороги домой совсем не знаю, иду куда глаза глядят, да лишь бы идти, кое где кусочек хлебушка и дадут, оно то больше и не надо. Ем я мало, так как сам мал. Из дома меня выгнали, туда не вернусь, вернусь то – нескоро, если тому быть. Отца нет у меня, отца схоронили.

—Сколько ж тебе? – спросила его старуха, вытирая слезы.

—И не знаю, раньше папка учил считать по пальчикам, а сейчас я сбился со счета и забыл.

—Жалко отца? – спросила старуха, зачем не зная, сама же зная – что жалко.

—Да, бабань, папка не придет больше, сколько его не звал, наверное, оттуда не возвращаются, – мальчик закидывал щи ложкой.

—Хватит о плохом, скоро мой сын вернется, хочет видеть тебя живым и здоровым, а ты можешь остаться у нас, пока тебе здесь живется. Кроме него, милого сынка у меня никого уж нет, все померли. И детки его померли, и жена. Единственная моя отрада, а ты тут будешь не лишним, место найдется.

—Спасибо бабань, но как выздоровею, пойду своей доро-

гой, остаться не могу.

– Бог тебе судья, может ещё передумаешь! – улыбнулась старуха, убирая миску со стола.

С мальчика стянули окровавленные повязки, заменили их. Было больно, но сиротка спокойно терпел свою участь. Глубокие раны заживали медленно, болезненно. Бока ныли, зудели, и чесались, по ночам кусали швы, клопы. Вши, особенно болезненно кусали в раны, высасывая от туда кровь. Чесать было нельзя, но мальчик умудрялся чесать не причиняя себе лишней боли.

Мальчик повеселел, кормили его хорошо, сытно, но привыкший к голоду, совсем не чувствовал нехватки в пищи от гостеприимных хозяев.

В дом вошел хозяин. Отворилась громоздкая деревянная дверь, которую он тут же запер на затвор.

– Мальчик на ноги встал, – радостно встретила его мать, – уже и кушает, и разговаривает.

– Чудо! Не уж то поправился? – сняв сапоги мужик подошел к лежащему на печи мальчику. Тот смущенно поглядывал из под тюфяка.

– Здравствуйте дяденька, – поздоровался мальчик.

– Здравствуй мил человек! Вижу отдых тебе на пользу пошел! А мы уж не надеялись, тебя то сильно погрызли. Как раны? – спросил он у старухи.

– Ничего, заживут. Надо бы завтра примочки поставить.

– Примочки, примочки, накрывай на стол, уже ночь на

дворе! А ты малой, если что буди! – хозяин повеселел, и с довольной улыбкой сел за стол, суетилась старуха с тарелками, ворча под нос.

После недолгой трапезы все улеглись спать. И мальчик благополучно закрыл глаза.

Долгое время жил мальчик у добрых людей, недели две или больше. Хозяин потихоньку его расспрашивал о жизни, и сердце его от этого смягчалось, умилялось над жизнью сиротки. От того ему становилось грустно, но каждый раз подбадривался он, развеселый вставал с лавки, и шел хозяйничать, то есть хозяйство вести. Помимо, работал в колхозе.

Однажды сиротка играл на улице, он давно не выходил на свежий воздух, но время пришло, и он стал поправляться, ему стало необходимым движение, без которого ему становилось скучно. Собак он не опасался, за ними в лес ходил лесник, и почти всех перестрелял.

Часто шли дожди, но когда погода хорошела, сиротка спешил на улицу, побегать вокруг луж, по деревне, к лесу.

Игра затянулась, и мальчик пришел домой почти к вечеру, на пороге его ждала старуха. Знакомый голос окликнул возвращающегося мальчика.

– Вот значит куда он пропал! Родную мать бросил, сестру бросил! Бесстыдник! Мать его ждет, плачет, ревет, ночами не спит! А он тут, живет припеваючи, подлец! – оклеветал мальчика голос сестры.

– Что ты? Откуда ты?

–Оттуда! Мать меня за тобой послала! Уже как месяц тебя ищу по деревням, думали, помер уже, утонул где!

–Кто там? Чей там голос? – старуха вышла из дому, – чья есть? Зачем к бедному пристала? – положив на бедра руки старуха прищурила глаза.

–От матери я, велела забрать его, бесстыдника, у чужих людей живет! Чужой хлеб задарма жрет! Мать до слез довел! Собирайся пошли! Пора и честь знать! – довольно ухмыльнулась сестра.

Поникший мальчик опустил голову, ему стало жаль свою мать, по которой у него сохло сердце.

–Ну пуще тебе, не кричи на него, не видишь, что болен ещё? И матери передай, что мы его приняли, сами от чистого сердца вылечили, согрели и накормили, пускай теперь сам решает, решит уходить – благословлю его.

Сиротка тихо собрал свои вещи, посмотрел последний раз на полюбившуюся хату со слезами на глазах, старуха перекрестила его, благословила, собрала немного еды в дорогу, и отпустила. А сестра, которая ему наврала про мать, из-за одной зависти своей, из-за одной злобы своей ухмылялась, говорила ему гадости, грубости обидные:

–Что ноешь? Аль хлебушек был вкусный? – рассмеялась она, – погоди, узнаешь ещё вкусного хлебушка, скотина!

Сиротка боялся перечить, и молчал всю дорогу, боясь получить подзатыльник.

Неделя тянулась. Деревни сменяли деревни. Везде был го-

лод, встречали побирушек грубо, холодно. Припасы сиротки отобрала сестра, от них ему остались совсем крохи. Спали на улице, в сени не пускали, искали стога, иногда сами заходили в катухи, сараи, и по утрам, пока хозяева не явились, удалялись вновь побираться, просить милостыню.

На все расспросы о матери, о доме, сестра отвечала:

– Жди, тебе то домой возвращаться с пустыми карманами? Что мать скажет? Болван ты! – затем вообще перестала отвечать, а лишь шлепала подзатыльники.

Мальчик скучал и сожалел, что ушел с сестрой, он стал догадываться о том, что сестра врала ему о доме. Потом сомнения его развеялись окончательно, но дороги обратно он не знал. Возвращаться и плутать было опасно и бессмысленно.

Перед вечером они разделились по две стороны, и каждый обходил свои стороны, заглядывая в каждый дом. Почти ничего не давали, одна добрая семья отдала свеклу, немного завядшую, но съедобную.

– Эй, немывтый, – подозвала его к забору сестра, – я открою калитку, а ты беги вон в тот сарай, во времянку, видишь? – она указала пальцем на грязный покосившийся домик.

– Вижу, – отозвался испуганный мальчик.

– На плите стоит чугунок с картошкой, ты его суй в мешок, и тащи сюда, понял?

– Понял, – ответил мальчик смиренно, – а если не дотащу?

– Лупить тебя буду! – и она шлепнула ему тут же оплеуху.

–А если там хозяин? – мальчик всплакнул.

–Он вышел! Иди же! А то вернется и надает тебе, – она толкнула мальчика в калитку, – иди, болван! – вскрикнула она, смеясь и прикрывая рот рукавом.

Испуганный сиротка вбежал в дом, голыми руками накрыл чугунок мешком своим, столкнул с печи и закинул на спину. Кипящая вода хлынула ему за шиворот, он закричал, но от боли стиснул сильнее руки и выбежал за порог, споткнулся и полетел за землю лицом в лужу, огненная картошка вместе с чугуном вывалилась на землю.

Шум услышал хозяин, сухой старик выбежал из-за двора.

–Вор! – закричал он, схватил стоящую в углу времянки жичину, и принялся изо всех сил стегать мальчика, который на четвереньках полз к калитке.

–Сбежать хочешь? Картошку хотел украсть? Подлец, собака! – кричал старик, – я тебе покажу, как воровать! – и завел руку.

Мальчик ничего уже не слышал, от боли горела спина, дымилась на холоде паром, принялась сверкать жичина, жала мальчика в нежную плоть. В голове его слышался только смех сестры, которая стоя за забором хохотала от души.

Когда старик устал, он подхватил обессиленного Егорку и со всего размаху выбросил за калитку, под ноги сестре.

–Уноси этого щенка, а то и тебе достанется! – визжал взбешенный старик, который подобрал вещи сироты и закинул их вслед за ним с омерзением, принялся с причитаниями со-

бирать картошку обратно, уже хорошенько испачканную в грязи. Картошка варилась настолько мелкая, словно горох, что он сгреб её своей грязной мозолистой рукой в чугунок, вместе с землей, отнес обратно довариваться, и тихонько со злобой поглядывал, на беспризорников.

Мальчик поднялся на ноги, с трудом закинул на плечи сумку, и под смех сестры, побрел вперед, не слушая её и не обращая уже внимания на её угрозы. Весь мир вокруг, в глазах мальчика, превратился в маленький кружок, который стремился превратиться в точку.

Боль притупила чувства мальчика, воспалились прошлые раны, горело под лопатками, он стал апатичным, его ничто не волновало, над ним надругались, его побили и осмеяли.

Но он не плакал, только озлобился, и когда ночью сестра заснула, он тихонько вытащил из её карманов съестное и удалился. Сиротка бежал всю ночь, пока обессиленный не упал под забором железнодорожной станции.

– "Она наврала мне о доме", – думал он, – "она обманула меня и третий раз, больше никогда с ней никуда не пойду, никто меня дома не ждет, и мать не ждет"! – плакал мальчик, и заснул, уже не чувствуя боль от ожога, а только чувствуя, как сжимается сердце от обиды.

Последующие дни он сосредотачивался на боли, думал только о ней, ибо не думать о другом.

Глава 19.

Чем злые отличаются от обиженных? По вере нашей нам и будет, в этом можно убедиться самостоятельно, на личном опыте, если хорошенько присмотреться, и прислушаться. Изначально, при рождении, злых людей нет, в этом плане мы все равны, мы приходим ни с чем, только с криком, только с улыбкой. Но есть люди обиженные с первых дней, сами еще не зная об этом, плачут от боли, от плохого обращения. Злые люди притягивают зло, оно его сами же и создают.

Такие люди вырастают, осознавая, что их чем-нибудь, да обидели, и вера их день ото дня крепчает в этом. Верой их обидели, или неверием, имуществом обидели, или нелюбовью, всем тем, чем можно обидеть, обдели.

Считая себя униженными и обделенными, начинают они вести себя и поступать так с людьми, как считают, что поступили с ними самими, даже хуже того! Так сказать, отвечают взаимностью.

От такого положение усугубляется, и вот, в один прекрасный день человек доходит до крайности, до крайней точки злости своей и ненависти к окружающему, и его с уверенностью можно назвать злым человеком.

Григорий закончил говорить и компания вышла к дому, к которому всю дорогу направлялась. Во тьме стояло несколько старых, наполовину каменных, а на другую половину деревянных домов, прогнивших от вечной сырости, осыпавшихся и покосившихся от ветров, с разбитыми ели кое-как

прикрытыми окнами, заколоченными, через щели которых редко мерцал огонек свечей, огнив или ламп.

Весь двор зарос кустарниками и травой, уже по осеннему умершими, сквозь которые гулял тихий прохладный ветер.

От дороги к порогу дома вела тропа, на которую свернули идущие приятели, приминая под ногами едва замерзшую грязь, ломая чуть застывшую ледяную корку, оставляя за собой неглубокие, ровные следы от ботинок, они подошли к дому.

Наверх вела скрипучая, сгнившая лестница. Через узкий и низкий вход тихо и молча приятели поднялись и сразу же завернули влево к старой и ободранной дверке, которая под нажимом отворилась, чуть не слетела с петель, скрипнула и замолчала почти до середины ночи.

Зажгли лампу. И свет от неё озарил небольшую комнату, в которой пахло керосином.

Комната скорее отталкивала от себя своей теснотой и неуютностью, пылью и грязью, чем привлекала. В ней было холодно и сыро.

Стены покрылись каплями воды и пятнами плесени.

Виктор, торопясь вышел, спустился, и вновь вернулся с охапкой дров. растопил печь-буржуйку томившуюся в углу.

Из мебели в комнате имелись стол, стулья и кровать, в углу лежал свернутый бушлат, на полке стояло несколько черных кастрюль и небольшой чугунок. Под кроватью стояло два чемодана.

Засвистел чайник, все время стоявший на печке, с немного затухшей водой, которую не поменяли.

Разогрели суп, и вскоре на столе появились миски, ложки, кружечки, сухарики.

Под ногами постоянно скрипел гнилой пол.

Кое-где досок совсем не имелось, чернели дыры, сквозь оконные щели свистел ветер, наводя жуть на мальчика.

Стали ужинать. Ели молча, и только за чаем компания оживилась.

–Понравилось? – обратился Григорий к Егорке, которому по существу доставались крошки, – не зря согласился. Сам готовил, все сам... столько сил вложил, времени, вкусно получилось, сам рад! – на самом деле готовил Виктор, а Григорий лежал на кровати все время, и не вставал, мучаясь от кашля.

–А ты не верил мне, – продолжал он, – вот ужин какой! Давно ли ты так ел? Мы тебе помогаем, кормим, настала твоя очередь помочь, но это чуть позже, а сейчас пей и ешь, досыта, и иди спать! – есть уже было нечего, и мальчик собрал крошки со стола, закинул себе в рот, ничуть не смущаясь, – разбудим вовремя, об этом не волнуйся

Помню я, когда был маленьким, таким как ты примерно, ну, чуть побольше, мать моя мне приготовила вареников, с вишней. Это, если себя помнить, лучшее воспоминание из детства, – ненадолго наступило молчание, Григорий удержал мальчика и продолжил, – ел я их, за ушами трещало, да уро-

нил один на пол, мать мне как залепит по губам, стоит и наставляет: "Это тебе для того, чтобы мимо рта не ронял, бесполочь" , – Григорий рассмеялся, улыбнулся и Виктор.

А тебе, как я понимаю с детством не повезло, скажу – не повезло вовсе. У тебя, малой, детства нет, ты человек, живущий без него. Живешь беспризорником на улице, голодным, замерзшим, дерешься и воруешь к тому же, – сиротка хотел было возразить, но Григорий ему не дал и слова сказать, – у меня детство сытное было и теплое, не считая того, что болел часто, сейчас, как лет шесть не болею, – и тут он соврал, – все года свои под родительской опекой провел, а там война началась, а потом, ну а что потом? Потом – уже не важно, на самообразование средств не мало вложил, в кругах общался, интересы мол одни и те же – политика, философия, и читал много!

А ты, попрошайка, без образования, во тьме растешь, и этого в дальнейшем не избежать тебе! Тьмы то!

– Знакомый мой, хороший знакомый, все говорил, говорил, да говорил, говорил, говорил, говорил; и вот он говорил о чем-то, а никто ему и не верил, и не слушал его, а он взял и повесился, – вставил Виктор.

Григорий недоумевающим взглядом посмотрел на Виктора, свел недовольно брови.

– Я вот идеалист, у меня идеалы есть, тебе они тоже нужны, уже сейчас, сие секунду, чтобы мир и общество понять, чтобы меня понять, на цель себя направить, свое движение

обратить, за горизонт, за высокой целью, друг мой! Я все сказал, что хотел, уже и спать пора, – Григорий глядя на часы, зевнул, шел первый час.

Егорка нашел местечко у печи, прилег на бушлат и уснул мертвым сном, из которого его не смогли вывести даже кусачие вши.

–Спит? – спросил шепотом Виктор.

–Кажись спит, – ответил ему Григорий, удостоверившись, что мальчик действительно крепко спит, отошел от него.

Компаньоны уселись за стол.

Сели рука об руку, в тесноте, чтобы окончательно сойтись во мнении, развеять противоречия накопившиеся между ними раз и навсегда, перед делом.

–Дело ровно пойдет, – задумчиво произнес Виктор, одобрительно покачав головой и прикусив нижнюю губу гнилыми зубами.

–Правильно мыслишь, только что с ним потом делать? – Григорий указал на сиротку, – сдать нас может, и конец нам, искать будут по приметам, – компаньоны замолчали.

Тишину вновь нарушил Виктор.

–Мы его там и оставим, а если потребуется – убьем, а скорее всего убьем. Кирпич по таким делам мастак, и не поморщится, для него ни в первое детей убивать, ты помнишь ведь?

–Помню, не первый, да и не последний. Мне не жаль его, мальчишку, все равно на улице помрет рано или поздно. По-

дохнет, как собака бесхозная, а тут ему будет честь оказана. Сколько таких как он, ничейных, загнулось? Никто не знает и знать не хочет! Да и пусть делает, что нужно, тело там и бросим. Местечко тихое, долго не найдут. Могильщик если нагрянет, могилу копать, или родственники покойного какого, но будем надеяться, что нет, тогда времени у нас будет невпроворот! И ты скажи кирпичу, а то сам не догадается, тупить начнет!

–А если его живым кинуть, неделю просидит? Слышал о таких случаях, когда люди месяцами просиживали, и что же? – спросил Виктор сам у себя, – живые, только худеют до изнеможения, на волоске от смерти, а там их гляди и спасали!

–Воды нет, еды нет, холод, сырость, – сутки, вторые, да и подохнет, если кто и найдет, пока опомнится, нас и след простыл! От этой дыры я буду очень далеко, мне наплевать, пусть дохнет, но руки кровью пачкать я не хочу – честолюбивый я и благородный, – Григорий гордо приподнял подбородок, – но надеюсь до этого не дойдет, надо будет его убить! К черту – это все твои заботы! Слышал?

–Э-э-э, нет, Кирпич согласится, а я его не первый год знаю! Он любитель, ему удовольствие доставляет такое дело!

–А вдруг не согласится? Тогда и издевательство подойдет, к месту и ко времени! Выгоду чуешь? – ухмыльнулся Григорий.

–Закопать бы, – прохрипел Виктор, – крика не будет, тем

более провернем дельце быстренько, Кирпич не зря заранее готовит местечко, к нашему приходу прям так и прихорошится, и так и надо – сделали и разбежались!

–Верно, верно, что же я... Да только времен и не будет закапывать! Нам бы быстрее все бросить и уйти! До зари! – решил Григорий.

–Не волнуйся, и главное не суетись, всегда ты суетишься! По ходу дела разберемся, главное этого щенка не упустить живым, глаз да глаз за ним надо держать! Это моя обязанность! Буду держать его крепко, – Виктор сжал большой кулак, – первый же раз! Сколько мы колесим по миру?

–Много... годы, – прищурился Григорий, вспоминая все свои решенные дела, – но детей не было никогда, этот первый.

–Да и черт с этим вшивым! – засмеялся Виктор, а куда собираешься после, когда разделаемся со всем, ты мне так и не сказал, куда же? – Виктора одолело любопытство.

Куда-нибудь, лишь бы подальше от этой проклятой советской власти! Подальше от большевиков и вечной грязи! Мало они мне проблем принесли? В бегах устал жизнь волочить, успокоиться хочу, подлечиться, за границу убегу скорее всего, в Америку, или Рио-де-Жанейро, а ты куда?

–Пока ещё не решил, на что скопленных денег хватит, надо бы за заначкой спрятанной метнуться, – Виктор принял угрюмый вид.

–Решай, а про меня после забудь, словно и не существо-

вало меня, словно и знать не знал кто я! – настоял на своем Григорий, который очень боялся, что его сдадут его же сообщники.

– Уже забыл, – усмехнулся угрюмый Виктор, – короток я на память!

– Вот и поговорили! – сказав это, Григорий встал, – теперь вздремнуть бы часик, и за работу!

Друзья (тут более подходит выражение иное, такое, как "дружки" разошлись по комнате. Григорий лег на кровать, Виктор же подкинув дров в печь, уснул за столом.

Глава 20.

– А я вот что расскажу, – начал старик, после того, как кто-то из ребятишек подкинул в костер дровишек, – может, кто и был среди нас тогда. Колоски пшеничные мне никакого покоя не дают, напомнили мне они о том времени. Словно мое сердце разрывают от воспоминаний, вы говорите, внучек, лепешки делали. А не у всех ума хватало делать лепешки сырые, толочь колоски. Попал я на поля, стоял жаркий сентябрь, народу нас была тьма, надзиратели нас не трогали, и знать не знали нас, и нос воротили, или жалко нас было, или брезговали с нами связываться, не поймешь.

А мальчики, девочки совсем крохотные среди нас терлись, ходили за нами, да повторяли, иные глупые бабы, да старики, что колосок, так в рот и тянули, да нажрались в су-

хомятку! Да к утру да и померли все, иные стонали и пухли по несколько дней! Смрад стоял! Вон трупная, везде трупы! Мертвые валяются в грязи! Никто не убирает, надзиратели от увиденного, да в обморок и попадали! Какие уж тут колоски...

Ушло нас тогда с полей десятка два, мы то к прудику ходили, да своими жалкими зубами с водой зерна, да перетирали! О, как жалко народ, темный народ, невиноватый! Заворот кишок получился у них, с голоду-то пища ядом сделалась. Малых среди нас было несколько, остальные все померли, – старик всплакнул. За что их жизнь так наказала? Нас то старых, и бог с нами! Пусть кажет! Детишек то за что! Нам уж жизни не видать, ещё б пару деньков мир повидать, полюбоваться! Помирать то как не хочется! У иных и внучки есть!

– Не печалься, – утешил его рядом сидящий, – голод не тетка, когда-нибудь смилуется над нами, по домам и разойдемся. Тогда и будем умерших поминать! А сейчас ни к чему, сами, как ходячие мертвецы, бродим, топчем землю.

– То и верно, – а ну-ка мальчуган, расскажи ещё что-нибудь, получается у тебя истории гутарить!

Егорка то и рад, как-будто этого и ждал.

– Слушайте тогда! Для вас история осталась! – мальчик пододвинулся ближе к углям.

Глава 21.

Егорка шел по ночной молчаливой дороге. За оврагами шумела листва деревьев. В конце безобразной дорожной колеи горели едва заметные огни скудной и нищей деревни. Дома в ней стояли брошенные, и всего несколько из них остались заселены. Половина жильцов ушла, половина пропала с голоду. За деревьями, густо стоящими за деревней чернели холмики – там находилось самопроизвольное кладбище, на котором умерших хоронили без надгробий и надгробных камней, они стали слишком тяжелы и дороги для ещё живых стариков.

Оставшиеся дома заселяли худые старики. Больные, нищие и голодные. Взрослое население погибло на войне, остальные, женщины и дети, ушли дальше, в более плодородные края искать свою судьбу. Никто в деревню так и не воротился, ни спустя годы, ни десятилетия. Время уничтожило деревню, превратила её в руины, а затем в придорожную пыль.

Но до этого было ещё далеко, ибо жители её все же дышали, спали и умели говорить.

Ближайшие деревни лежали за километров десять-пятнадцать, иные из которых оказались более худо-бедными. Сиротка воротился от них, повернул обратно, ночь застала его на дороге.

Спать под чистым небом, рядом с деревьями и краем леса густого мальчик боялся. Теперь сиротка всегда боялся ле-

са, после нападения на него стаи одичавших псов, сиротка сторонился леса, никогда в него не заходил, и если деревня находилась за ним, и ближайший путь был пройти лесом напрямую – опешивал и шел в обход, или поворачивал в другую сторону.

Боялся леса, как и древние его славянские предки, только-только заселяющие дикие просторы сегодняшней нашей страны, близь лесов и рек, он испытывал к нему первобытный и мистический страх, передающийся из поколения в поколение. Никто не объяснял маленькому разуму о дикости, водившейся в лесу, ибо природа была скудна на дичь, а о чудищах и гадах он слышал из сказок народных и поверий, передающихся из уст в уста. О бабках колдуньях и ворожеях он узнал после, у костра сборище нищих рассказывало всякие баски и суеверия.

Кто встречал табун лошадей, мчащихся галопом, и вдруг исчезающих, о шатре, который сворачивался и улетал.

Один нищий сказывал о колдунье из его села. Когда-то у него была коза. Разбудили его ночью соседи.

–Коза гуляет, Славка, видать твоя, иди посмотри. Я то во двор встала, и вижу, на поляне коза, твоя ж! – баба указывала на козу и мчалась домой, смотря за происходящем из окна.

Ночь темна. И вот бедный гоняется за своей козой Дарьей, и поймать не может, а на поляне раскинулся шатер цельный, а темный такой, словно мрак. А коза все бегаёт резвая, никогда не бегала так, и весь дом уж было поднялся ночью, как

вдруг коза вбегает в шатер и шатер сдувает таким ветром, что пыль в глаза, не видно ничего. Испуганный мужик мчит в хлев, отпирает засовы тянет из угла лучину и видит свою козу Дарью, спокойную и сонную. Волосы дыбом, и поутру мужик встает точит осиновые колья, вбивает по углам участка своего хозяйства, вбивает их в землю, охранительный за-слон.

Иные находят или откапывают зарытые трупы птиц, зве-рей под калиткой, иглы под дверьми. Объединенные кости, ак-куратно уложенные – все вещи ворожеи, беду нагоняющую или хворь.

Другой сказывал, как попрятал иглы под дверью, и к нему однажды пришел черт, в виде бабы, а копыта из подола тор-чат. Просит он водицы испить, да стоит в дверях, пройти не может.

–Ступай, вот черпак, – просит его хозяин вежливо.

–Ан не могу, а то избу засорю, ноги то, в грязи, – улыба-ется бабка.

А хозяин то на ноги и смотрит, вместо которых копыта.

–Так что же ты, пить не хочешь? – хитро спрашивает хо-зяин, – видать, ни за питьем ты пожаловала.

–Ан ни за питьем, но пить то хочется, – опять упирается бабка.

–Так давай я тебе помогу, – мужик хватает бабку за руку и тянет через дверь, та охает от боли, жалит её под бока так сильно, что выскакивает из дому, да бежит прочь, с матом,

с хулой на устах, с проклятиями, крутится, вертится и след её простыл.

Мужик довольный – черта вон прогнал.

Что вымысел – что правда, уже не разберешь, все смешалось, в придания и поверья превратилось.

Верили, что по ольхе и болотам водиться леший, водяной, русалки. Огромные сомы. Верили, что из худых рук подарок -страшнее всего. Приносит он хворь и несчастья. Бабки гадали, воду лили, воск топили, по иголкам, по соломе искали сглаз.

Так и не понял Егорка, что самые опасные чудовища в природе – люди, которые водились не в лесах диких и темных, а по соседству, в деревнях и городах.

Вспомнив о собаках, которые его чуть не задрали, сиротка подошел к деревни, и серьезно решил найти в ней ночлег, во чтобы то ни стало.

–Милый человек, – послышалось из кустов, – я старая, помоги мне, вместе веселее будет.

–Ты кто, бабань? – испуганно посторонился сиротка.

–Старушка я, брожу милостыню собираю, и ты видать, тоже побираешься, милостыню собираешь. Ночь меня застала, так я и спряталась, жутко одной.

–Да бабань, припозднился и я, можем вместе пойти, а то одному и мне жутко, деревня брошена кажись.

–Вот и брошена, что я тут по кустам прячусь, уж лучше в кустах, чем в пустом мертвом доме.

—А чего ты боишься бабань? По мне лучше в доме пустом, чем в кустах в лесу, вдруг собаки или волки, меня один раз чуть не разорвали собаки.

—Ах ты ж бедный, на нашу-то долю несчастья выпали, ду-мала я, что родители мои беды повидали, а нет! И мне пришлось повидать, так давай пойдем, у меня в кульке свекла есть. Ее бы наутро... А я быстрая, всю жизнь в поле, даже бегать могу! Только уж и спина меня гнет к низу, горб растет. Ещё зиму протерплю, и там конец кажись. Много пожила и хватит, годков мне семьдесят пять исполнилось, а тебе сколько годков? Одет ты не по возрасту, вижу, кто чем бог помог.

—Да бабань, мне и солдатики помогали, и люди добрые, и бабани всякие, а теперь я помогу, вон в тот дом, там лучину видел в окошечке, кто-то мелькал. Попросим ночлег, хоть в каких сенях.

—Хоть бы и так, слышала про эту деревню я недоброе. Нехорошие тут люди живали, куда они подевались, ушли аль умерли, так лучше бы сюда не попадать ночью. Такое слыхивала, ань, мурашки по коже! Дед мой говаривал, сюда не ходить, да куда ж мне старухе-то податься! Заплутала! Вот и привела меня дорожка, хот бы дед покойник нас хранил на небесах.

—Что ж он говаривал бабань, что ты так дрожишь? — удивился мальчик, ему самому становилось жутко.

Среди опустевших домов гулял ветер. Выбитые окна и

двери пропускали сквозняки, которые были.

—А вот что, один барин их сюда послал, лес валить, да на белок охотиться, мол белки жирные водятся, конечно, время сейчас не то уже, белки вывелись все, но была когда рошица дубовая и сосновая. Глубокая и дикая, кустарником поросшая, а там поляна в лесу, говорили, там ворожеи обряды проводили, а ранее, совсем в старину, там стояли алтари языческие, с кровью сожженные. И на месте деревни, была деревня языческая, опустошенная и умерщвленная мечом. Но дед мой не верил, верил, что слухи все. Да и что там, послал барин — значит страх в кулаки, да исполняй, ни то выпорот, как пса!

Много врак вокруг гуляет, в язычников и я не верю, и дед не верил, но было здесь что-то иное, хуже язычников. Это точно говорю, ибо деревня вымерла, а хорошие не вымирают, а живут! Бывает упадок, но чтобы просто так — никогда! А худые мрут, место здесь гнилое, и ни из-за роши, а людей поганых! Дед верил! Дед свидетель! Царство ему небесное!

Дед мой смелый был. Сильный, сильнее отца моего! А его отец, деда, ещё сильнее его был! Коня мог поднять, подлезет под него, да на спину, как и понес, как и понес, и все хохочут! И конь ржет!

Отец подковы гнул. По деревням ходил драться, стенкой на стенку, как по древнему обычаю — деревня на деревню, весь побитый приходил, но победитель, сядет, усмехнется, почешет голову в шишках, да и начнет хвалиться. Мать сме-

ется, заливается.

Рассказывать любил о кузнеце, Великий Петр подкову его согнул, царскую силу показать хотел, и дал ему медную монету, а тот ее взял, растянул пальцами, смял, и обратно отдал!

–Великий Государь, деньги тоже гнутся, да лучше чем холпы.

Петр смеялся, сильный был, а сильнее кузнеца не встречал!

Поехал он, дед мой, и ещё пару деревенских, бывалых и крепких мужиков в эту деревню, телегой их довели, а земляк их, перекрестился, да и дал маху обратно, ни минуты не пробыл с ними. Удивились они его трусости.

–Что-то Витька дал маху, видать, в штаны насрал! – хохотали они.

Дал ему барин ружье, и пороху, пуль свинцовых. Хлеба и соли. Топоры дал, да мешок с инструментом. На неделю времени. Пятак медный на водку. И всем по пяточку. Кормить их тут одна баба взялась, и дом им дали пустой. Да гнусно так кормила, а жаловаться некому, жри – не хочу! Не хочешь, и не надо!

Надеялись – белок зажарить, а нет белок! Ни одной белки не встретили, не то, что какую живность! Пусто! Ни суслика, ни зайца. Ни птицы какой, отчаялись уж на первый день. Грибы – не сезон! И река – далека!

Лес валить принялись. А как дальше в лес, так чуть не бе-

да, а грустно становится, от пищи такой! И сил нет рубить! К вечеру только воротятся, лесу то надо много было! Работы на дня три, и что ж им тянуть то? Взялись резво, хотели с веселостью за белками побегать! А лес темный, непроходимый. Откуда там белки!

Деревня безмолвствовала, баба мало говорила и ворчала. Да и странно себя вела. Скрытно как-то, смотрела исподлобья. Сразу мужикам там не понравилось. Обед не обед, хлеб поделили и сыты им. А в деревни никого кроме неё.

–Куда все подевались? – спросил дед мой.

–Так и не было никого, давно уж. Только мимоходом, проезжие, переночевать, или отобедать нанимают. А то корчма тут какая! Все им дай, да налей, а где мне все взять! Одной то купи где? Вырасти. Ваш барин молодец, подкинул на харчи, а то ели бы кору березовую.

–Барин у нас святой человек, – вставил мужик.

–"А свято место пусто не бывает", – подумал дед, – "а тут сама орда развернется".

–Полно святой, плохо вы своих господ знаете, – огрызнулась баба и замолчала.

–Хватит болтать, идти пора, в лес по дрова! – улыбнулся второй мужик.

Долго искали они хорошую рощу, дубовую, все деревья – не деревья, а как изуродованные, в сучьях, или все кривые, но дальше, подальше стоял хороший лес. Они рубили его, надо было приволочь и обтесать пятьдесят стволов. По де-

сять в день! До вечера, да втроем можно! И время выгадать отдохнуть!

В дом вошли, а там тишина, паутина да пыль, спать на тюфяках пришлось. Все в одну спальню сбились, так веселее. Дом большой, видно сельский староста в нем жил, или какая управа была казенная. Комнат в нем много. Около десяти. Пол гнилой, стены шаткие. Сидят – весело, гогочут, ан над головой как заскрипит! По потолку зашкрябает что-то! Словно сейчас потолок обмазанный глиной обвалиться им на голову.

И точит и точит, потом замолчит. И среди ночи опять как заворочается! И всех будит, на них и лица нет! Испуг! Крестятся мужики! Дед мой так к ружью, и наготове. А поутру нашли люк на чердак, заколоченный, и дыр в крыше нет. Одни щели. Подумали и решили, что какая крыса, или птица завелась. Но что бы так елозить по ночам, должно быть большая крыса!

–Крыса? – спросил дед мой у друзей.

–Ага, не уж то с собаку? И тяжелая, словно потолок обвалиться.

–Прислушайтесь, или жрет чего? Или грызет.

–Значит зубы есть, у нас ружье, если что – вот вам и белка барину.

–В темноте только метиться, если по звуку только. Ружье старенькое, долго заряжать. Надо зажечь лучину, а её нема! Утром сделаем лучинку, а надо бы посмотреть, что там за

тварь на чердаке.

–Слышали, как шаги? Убежало? Теперь вдали точит.

–Похоже, о том, что мы тут ночуем, эту живность никто не предупредил, – ответил мой дед.

–Может спугнуть?

–Щас нечего туда лезть, а то ещё погрызет, днем надо.

–Вроде затихло.

Раздался скрип досок на крыше, словно крышу шатало.

Стихло.

–Надо бы уснуть, но как тут? Дверь бы подпереть чем.

–Вот доска, нащупал, подопри её чуть. До утра. Так и сделали.

Проснувшись от утренних лучей, осмотрели друг друга, и расспросили, не сон ли был?

–Кажись не сон. Пойдем искать на чердак дверь.

Вход оказался на улице заколоченный досками, в доме потолок был цельный, местами упала штукатурка

–Вижу, мы тут не первые, – снял шапку мужик.

–Да, давно доски прибиты, с гнильцой. Годы тут никого не было, не надо трогать их, пусть – так безопаснее, если тут другого входа нет.

–Да щели одни, то щель, мелкий какой зверь пролезет, когда, или крыса. Птица какая пролетит.

–Может кто гнездо свил, нечего бояться пока! Ай да за работу!

Ушли в лес.

В ночь вновь начало точить, грызть, словно крыса скребет кость! В то же время. В тот же час. Затем когти заскрипели по доскам. Мужики идти боялись, сделали подпор под дверь, настрогали лучин, спросили лампу, баба им лампу выдала.

—По ночам спать надо, а не сальный жир жечь! — усмехнулась она

Несколько ночей лихо их будило, спать не давало, да все громче, пыль так и сыпется с потолка.

—Хозяйка странная какая-то, зачем она нас сюда заселила? Делает вид, что не знает ничего!

—Видно, что лжет, — сказал отец мой, крепко держа ружье наготове. Не то что зверя, а её надо бояться, и держать ухо востро! Спинай не поворачиваться, и смотреть по сторонам, когда работаешь, одному не ходить, даже поссать! И присматриваем друг за другом! Ружье всегда наготове! Заряженное и сухое! А вы, держитесь за топоры, если что, руби и беги, и все следом!

—Друг друга не бросать! Не бросать! И в лес ночью не бегать! И из комнаты не выходить, я ведро поставил, кому если помочиться.

В лесу намахались топорами, деревья дотащили и осмелели. Чего им бояться, здоровенным мужикам? Вооруженным, с топором знакомых, кому, как ни им головы рубить?

Днем воротились, пробовали отворить чердак! Но никак! не отпирается, гвозди крепкие, загнуты изнутри, тогда видят кошка, её приласкали, и все ж кое как щель проделали,

с улицы. Кошку туда запихали. А она бедная, там визжит, мечется! Да и через ту же щель да ободранная и вылезет! И дай маху!

– Не крыса, – ужаснулся мужик.

– Не крыса, – подтвердил мой дед.

– И ужаснулись, что делать? На чердак боязно лезть! Так и оставили эту затею, но любопытно же! Не видали они такого зверя, чтобы на чердаке жил.

У бабы спрашивают, которая стряпуха, та молчит, пожимает плечами, да улыбается, мол вам привиделось спьяну. А наши то и не капли не пили, страх не давал! Так и забыли о пятаках своих, и про самогонку забыли! Не до неё было. Сердце то сжимается от страха.

– И что же бабань, потом вышло? – Егорка весь сжался.

– А вот что, на пятый день, дед ружье в руки, да прикладом как даст по потолку! А оттуда и тишина! До следующей ночи тишина, так и переночевали единственно раз спокойно. А все остальное время терпели, пошумит, пошумит, да угомонится, но потом! Все дольше и дольше, всю ночь могло скребышать.

Из сил выбились, за все деньки беспокойные. Прилягут поспят за работой, по очереди. Да шепчутся, словно их подслушивает кто. Смотрят по сторонам, за деревья, затемно стали возвращаться.

Живот крутит от еды, противной-то какой! Из каких-то очисток и мослов. Спасу нет! Вонь стоит в комнате! Сменили

комнату, так что же? И там точит над головой! Терпели и вонь и страх, а пища все дурнее, все противнее.

Они бабу ругать! Ищи мол, другой дом! В каком жить можно и не бояться! Так наехали на неё, что она испугалась, но другого дома – ещё хуже, без крыши, обвалившиеся, так и ушли ни с чем.

В деревню люд подтянулся, рабочий, мимоходом проходящий, говорили им уходить и бросать все, мол – чужих тут не любят, раз уж их гадость какая гонит, то надо бежать. И вместе, посоветовавшись – решили на следующий день уходить, обратно барину жаловаться. Вызывать телеги, увозить стволы, сколько сделали. А неделю уж прошла, а барина нет!

Решили одного послать к барину, утром, чтобы не боязно было, с топором. А отец остался с другом вдвоем.

–Ну, удачи тебе Петруха, дерись если что, или беги! Обратно не ворочайся! До барина и без него не приходи!

–Как скажите, как скажите! Побег я! – и дал маху, сам рад!

–Проводили? – спросила бабка у них за обедом.

–Проводили, уж пора работу доделывать, и сдавать. Вдвоем справимся. А что обед все хуже и хуже? Сначала ничего, а теперь дрязга вонючая?

–А ты думал, денежки то барина тю-тю, не буду же я свои тратить, вот и стряпаю из того, что есть! Вам бы грех жаловаться, покуда сыты и в тепле.

–Да уж то благодать какая, тебя никто по ночам не поднимает.

–Случается, – улыбнулась бабка.

–Это как случается? – друзья переглянулись.

–Случается, будят, приедут среди ночи, стучат, открывай.

Воды коням наливай.

–Мы не о том, – перебил её мужик.

–А о чем? Все о своем? Все вам мерещится всякая чертовщина, пить надо меньше самогону, а то тут у вас сухо в горле, так что вы и с ума посходили, – она достала бутылку самогону из-за печи, – вот вам, подарок! Пусть вам голову прочистит! – рассмеялась она, – берите, берите, а то от пересыху у вас ум помрачился.

Отец сунул бутылку за шиворот.

–Благодарим, – отвечивал он.

Время пришло собираться в лес, они торопились.

–Обернись посмотри, не следит ли она за нами?

–Вроде нет, а хотя, не видно, может и следит.

–Странная баба, и самогон её лучше не пить, лучше вылить! Или спрятать! Ни капли его во рут не бывать! И так нас травит своей едой паршивой, сил никаких нет, ослаб я. Сморгать нас хочет! И чем дольше, тем хуже, утром уносим ноги отсюда. Не чисто тут! Зуб даю, не чисто! В плохое место мы попали!

–То-то будет, ночку продержаться!

–Приворотов никаких не знаешь? Или обереги?

–Иш-то иглы в дверь. И больше не знаю, что можно, ну осиновые колья нарубить! Тут же есть осина! А игл негде

взять, мы ж крестьяне обыкновенные, мужики, а не швеи! К той бабе не пойду! Не чиста она, гутарит как-то странно!

–Из самогонки сделаем факел, обмотаем тряпкой тук, и подожжем, хоть какое-никакое оружие! Осиновые колья нарубим, ими подопрем дверь, ставни надо бы оконные затворить покрепче, и ждать утра!

–Дождаться бы, а там и барин!

–Что-то, ни той дорогой мы идем? Вроде прямо шли! Илья же путаю?

–Путаешь, все правильно идем, только чуть левее.

Как дошли до места, показались пеньки, сучья отрубленные. Принялись за работу, дед пошел за осиной в рощицу, которая стояла чуть в стороне, в метрах трехсот от полянки. Нарубил, уложил на спину, а недалеко как завоет, то ли волк, то ли человек, да и бросился бежать к поляне.

–Уходим! Волки! Оторви лоскут, обвяжи сук! Если что, огнем их! Огнем, в кармане огниво и камень!

–Да убежим! Не горюй, далеко ли? – испугался мужик.

–Пока да, но учуют нас скоро, добраться бы!

Забежали в дом, заперлись, а вой уж в деревни, и рыщет вокруг, дышит под окнами.

–Волки... – прислушался дед, – запер дверь входную?

–Запер на засов! – перекрестился мужик.

Дед мой дверь подпер осиновыми прутья, да так, что бы держалась, если кто будет её вышибать. Хоть бы сколько продержалась, а на худой конец и ружье есть! Стали ждать, а

за окном потемнело, тучи набежали. Ливень, ветер, ураган поднялся такой, что аж страшно! И волки убежали куда-ть! Так и лило, так и лило, как из вёдер! Крыша скрипела, протекала, побелка потекла, все взмокло. Холодно сделалось, а мужики все ждут ночи. А ночью тишина! И не скребет! И не топает! И вдруг, как ударит молния! Да потолок, как обрушится в соседней комнате, в той, в которой они первый раз остановились.

—Пресвятые угодники! — закричит мужик от испуга. А потом, как лихо ударит в дверь их, аж стены затрещали! Но никак! И бьет и бьет и колотит и скребет когтями. Тогда и выбьет дверь, да на улицу! В окно ломится, да и в окно не выходит!

Дед да мужик стоят белы, как мертвецы, ни живы, ни мертвы! Чуть ли в не обморок падают! Руки трясутся, ноги подкашиваются, а топор да ружье наготове держат. И так всю ночь, ломилось, стучалось, то на крышу заберется и точит! А дождь все льет и льет! Молния все грохочет! А по утро — тишина, все разом замолчит. Выходить бояться.

До полудня продремали, сонные. А там слышат за окном, конь телегу подкатил, да кучера говор.

Вышли, полдома упало, а их комната цела, чуть стены повело, да все дождь залил. Кругом грязь. Увидели барина своего, да плача к ногам его.

—Ты куда их привез? Разве это та деревня, куда я тебя посылал?

–А то не та! Она же! Как и приказано! – расстроился кучер крестьянин.

–Разве? А дома почему все пустые, да тут никто не живет! – удивился барин, ступая по свежей грязи, – да как лило то тут! И вы тут целую неделю? Ели что? Спали где? С ума что ль сошли? Белок то тут и не видать, смотрю!

–Спали, барин, в том доме, какой упал! Да какой спали-то! Будило нас по ночам лихо, спать не давало, да дом этой ночью развалило! А кормила нас баба, какой вы денег прислали, – рассказали ему все, хотя он и так все знал, от третьего мужичка.

–Какая баба? Никакой бабе я денег не присылал! Показывай её! – его привели к хате, отворили, а там плесень да сырота, вода всю пыль сбила. Все заброшено!

–Тут была, баба-то! – снял шапку дед и осмотрелся, стол, за которым они обедали, был до ужаса грязен, пол гнилой, в потолке дыры.

–Нет тут никого! Так вот что, хоть бы вам тут и все примерещилось, давайте-ка собирайтесь, телегу пригнали пока одну, позади ещё едет, на ней ваш третий, грузите бревна, и айда от сюда, а я осмотрюсь здесь. Лес где ж нашли? – осмотрел он гнилые бревна и спросил.

–Так баба показала, где рубить, тама, на той стороне нашли, около поляны, – показал мужик.

–Баба говорите? – удивился барин, да и рукой махнул и плюнул на всю эту чертовщину.

И дед мой ни раз историю мне эту рассказывал, знавала я, где эта деревня, она поначалу – пустовала, а потом сюда худой люд начал стекаться. Плохие люди, не хорошие! И названия у неё разные бывали! Сама сюда я не заглядывала, да после такого-то и заглянешь! И та ли это деревня, толком не припомню.

–Надо переночевать, бабань, на улице боязно! – расстроился, мальчик и повел старуху к дому, который выглядел свежее остальных.

Мальчик постучал, но никто не открыл. Тогда сиротка заглянул за угол, и постучал в ставни с большим усердием, долго молотил в них.

Послышался чей-то голос и мальчик видел открывшую дверь пожилую грязную бабу. Мальчик увидел маленькое свиное рыльце, с выпученными глазами, круглые сочные щеки, жир на бедрах и животе, грязная одежда, черные руки и шея, засаленное платье, никогда не стиранное. Видимо, баба жила в достатке и сытости, что жира – хоть отбавляй. Была она боса, черные ногти на ногах и руках, никогда не стриженные – таково достояние нищих людей того времени, неухоженных и грязных, и это достояние никак не укладывалось с комплекцией бабы. Заметил такое отличие и мальчик, и сразу же подумал о еде, водившейся в этом доме. Кем же работал кормилец? Воровал?

–Батюшки, вы чьи такие? – она осмотрела вопросительным взглядом побирающихся по белу свету, – милостыню

просите?

– Да, тётъ, просим, нам переночевать бы, пусти, бог отблагодарит! – жалостно проговорил сиротка, спустившись на колени.

– Пустите Христа ради! – попросила старуха и поклонилась, – ночь темная, холодно и боязно, нам бы куда, хоть бы в сени, лишь бы под крышу.

– Ну входите, но кормильца дома нет! Воротится по утру! Вижу вы, люди мирские, добрые. Место есть, только вшей не распускайте! Клопы и у нас самих водятся, спасу от них нет! Проходите! – баба проводила в одну из комнат, в которой стояли как бы нары, прикрытые тряпьем и соломой, грубый деревенский стол и лавка, а стену украшали окна со ставнями. Пол – обычная утоптанная земля и глина. Стояла необыкновенная сырая вонь, смешанная с копотью печи и плесенью.

Добра была баба, приветлива, усадила гостей на нары, зажгла лучину, осыпала добрыми словами, а сама ушла готовить поздний ужин для попрошаек.

Соседнюю комнату занимала добротная русская печь, и прилавки с тарой и утварью, который было вдоволь. Баба металась у печи, копошилась, суетилась, да все приговаривала, ласково бурчала, затем вновь вышла к гостям.

– Пирог закончились, да сало осталось, сейчас нажарю вам, угощу вас бедненьких! – улыбнулась и ушла.

Чуть пометавшись при свете углей из печи и лучины в уз-

ком проходе, достала сковороду, закинула сала и принялась жарить. Из кухни дверь выла во двор во времянку, та была закрыта на щеколду.

–Бабань, – спросил Егорка у старухи, – приветливая хозяйка, накормит нас и спать уложит, а ты боялась, что на улице будем ночевать.

–То то и боялась, теперь уж не боюсь, – улыбнулась она, потерев грязными руками сонные глаза.

–Показать тебе копеечку? Это моя копеечка, храню её, на плохой денек, либо, когда буду солому сухую жевать и с голоду пухнуть, либо до дома поберечь и мамке показать хочца.

Бабка то моя – пухнет, есть нечего в деревне, все братья мои померли, сестра бросила, а мать пустила меня по свету милостыню просить. Не у нас защитничков, отца схоронили, погиб. Бывал давно уж дома, все разбежались, у кого кормильцы есть – справляются кое-как, да у кого детишек-то много, таких как я – те страдают, побираются. Нас много таких, очень много повидал на свете! И где я только не бывал, бабань, один раз собаки чуть не съели, – Егорка оголил ногу и показал шрамы, – весь я в рубцах, бабань, – улыбнулся он, – да жив ещё! Добрые люди помогали.

Как вспомню папку, с калачами, с петушками, так домой хочется. Вспомню, как мамка ходила в лес колушки собирать, веточки с сосен, а так – нельзя, ни деревьев без ведома лесника, ни пеньков! Накидает в печку колушек, проснешь-

ся, одним глазком смотришь – мамка печь топит, вся в снегу, сонная, ночью сама не спит!

–Да, вот времена, и в моем детстве ходили за хворостом, чтоб никто не видел! Сама колушки собирала в мешки!

Запахло жареным.

Егорка повеселел.

–Лебеду ели, хлеба ни грамма, забыл я в доме, что такое хлеб. Ушел босой, а люди одели, вот и шапчонка есть! Жить можно, только хожу много, в городе и то меньше ходить, но и там, бабань, мало дают, по деревням больше. Кто кочан даст, кто свеклу, пусть хоть и гнилую, но съестную. Иной раз приходилось песни петь, плясать. Когда папка жил – была жизнь и радость, хоть и нищета, но братья живы были, и хлебушек ели!

–Ох, ну и жизнь, – вздохнула горестно старуха, – в моем детстве такого не было, жили – нищими, голыми, но не побирались по миру. Терпели! Вот, что война наделала, – она вытерла слезу, сжала беззубый рот, нахлынули воспоминания. Бедному человеку – одно горе, а помирать, так все помрут. Меня уже спина не держит, все гнет к земле, согнет через год, другой, чувствую, согнет скоро! У меня ж и семья была, сыновей было пятеро, так один остался, ещё с войны не пришел, но придет, задержался, а другие погибли, такими молодыми, какие семьи имели. Раскидала их судьба по миру, только телеграммы и получала, после как письма закончились. Мне староста читал, сама-то я не умею, и сам пла-

кал, когда на четвертого сынка похоронка пришла! Горе! – она вытерла слезы рукавом и закончила причитать, – ну, будет! Ты себя береги сынчика! Береги, да в обиду не давай.

– Хорошо бабань, не дам! – обрадовался Егорка, тому, что слезы старухи закончились, и полез за копейкой в карман, но копейка выпала из рук и покатилась, ударилась о ножку нар, и остановилась под кроватью.

– Ох, упала! Лови её, вон она, там, под кроватью! – заметила старуха.

Мальчик полез под кровать, нащупал копейку, но остановился, почуяв знакомый трупный запах и запах залежавшегося сырого мяса.

– Бабань, – шепотом позвал о неё, – тут что-то есть! Посвети! – старуха поднялась, подхватила с пола лучину и осветила Егорке, который уже потерял дар речи от испуга.

Вылез белым из под нар.

– Смотри сама, бабань! Толи мне показалось? – старуха влезла и охнула, в корыте лежали человеческие отрубленные руки.

– Бабань, что там? – спросил сиротка, держа её за подол, та перекрестилась.

– Давай-ка не шуми! И быстро полезай в то окно, и я следом! – на кухне гремела посуда.

– Я сейчас! – прокричала баба, – только в сени схожу! Уже готово! – хлопнула дверь, голые ноги пошлепали ко времени.

–Поторопимся, а ты говоришь – добрая баба! – старуха открыла ставни, и мальчик живо спрыгнул на улицу, помог старухе неуклюже спуститься через узкое окошко.

–А теперь, бегом к кусты, в те! Там и спрячемся, и кустами отсюда рысью! – в то время воротилась баба, а побирушек и след простыл.

Нашла открытые ставни изнутри и выглянула в окно, в это время вошел высокий мужчина с топором в руке.

–Ну и где они? – чего ради ты меня подняла, дура? – огрызнулся он, так и будешь в окошко пялиться?

–Чего пялиться-то? Искать их надо! Говорила ж не оставляй их тут! Увидели, теперь всем растрезвонят! Это ты, дурень, Иуда ты! Спать надо меньше! К тебе дичь сама в рот лезет, а ты не берешь! А теперь иди и охоться за ней! Далеко они не ушли, не мне ж за ними бегать? Иди ищи их! Пока не поздно! – заревела она.

Наблюдающие Егорка и старуха увидели ещё один мелькающий силуэт.

–Надо бежать! Вот и кормилец её пришел, за нами! Так что если что, ты беги, а мне уж помирать пора!

–Не надо так говорить, бабань! Не найдет! Нас никто не найдет, идем на дорогу, надо спрятаться у обочины в траве, высокой, и ждать, кто мимо проезжать будет, только не этой дорогой, я видел ещё одну, там колея от телег, ай да! – согнувшись, две тени поползли из деревни.

–Ночь на дворе! Где я их найду? – удивился мужчина, а

сам ушел на кухню, – это ты им что ль жарила? Нищевброда кормить?

–Да уж им, за тобой бы не пришла, гляди! Нам пожарила! – ты что жрать сел? – мужик закинул в рот пару кусков, а баба рассвирепела и принялась его хулить, когда же пыл спал, то угомонилась, выпрямилась, сложила руки на поясе.

–Иди ищи их! Худо будет нам! – завизжала она, исступленно.

–Иду, иду, батька уж скоро воротится? – спросил он.

–Поутру, неужто ждать собрался? – удивилась она.

–Какой ждать?! За вилами пошел! – мужик вышел, посыла проклятия беднякам, пришедшим в его дом. Он был сыт, и поэтому не стремился напасть на добычу, и она ушла от его сильных рук, которыми он переколол, перерезал, передушил не один десяток человек, на пару с отцом.

Размахивая вилами, положив их на плечо, выбежал из сеней, и принялся рыскать вокруг деревни, по дорогам, пробежал мимо Егорки раза два, но поутру, воротился, не найдя сих.

Старуха спала крепким сном от усталости, прямо на сырой траве. Егорка прижался к ней, чтобы согреться, так и проспали, пока лучи солнца не разбудили их.

Вокруг стояла тишина. Вдали чернела деревня, которая осталась в стороне, и все ещё пугала сиротку своим мертвым видом. В неё уже давно прибыла телега со стариком, хозяином того дома, но мальчик и старуха этого не заметили,

скрип колес не разбудил их.

Ближе к обеду на дороге появилась новая телега, в которой сидел здоровенный бородатый мужик, погонявший клячу. Иногда мужик сходил на землю, чтобы помочь лошадке продвинуть телегу, иногда покрикивал, а иногда и добрым ласковым словом подбадривал свою старую подругу.

Мужик сурово посмотрел на старуху и ребенка, вышедших ему на встречу.

— У меня ничего нет, добрые люди, — громким голосом окликнул попрошайек и стегнул кнутом кобылу.

— Но! Пошла! — скомандовал он ей.

— Нам и не надобно чего, милый человек, только спаси нас, увези отседа! — зарыдала старуха.

Мужик изумился старушечьим искренним слезам, заплакал и сиротка, которые не отставали от телеги.

— Да что случилось-то? — он остановил клячу, — аль какой черт обидел бедных людей? Аль кто ограбил, побил?

— Не побил, нет, хуже! — успокоилась старуха, — увези нас, а мы тебе по дороге все расскажем.

— Ну что же, вижу слезы ваши настоящие, так садитесь! Вместе покуда веселее, Блошку мою благодарите, она вас везет — мужик улыбнулся.

— Почему Блошка? — спросил сиротка.

— А в мелкие пятнышки вся, словно блошки завелись, чистишь, чистишь, думаешь, то ли грязь, то ли блохи, а она то такая сама по себе, поэтому и Блошка! Старая уже, ели обоз

тянет... Иной раз придется идти так, что готовьтесь, дорога будет тяжелой, а до ближайшей деревни часа два ковылять! Ну, держитесь – свистнул мужик и стегнул кнутом поперек спины лошади.

Старуха рассказа о злом гостеприимстве. О бегстве с пиршества.

–Да, – сказал мужик, – знаю, в той деревне люди плохие живут! Повезло вам, что сказать! Расскажу тогда об этом властям, как доберусь, обязательно расскажу, пусть посмотрят, чего они там едят! Им советская власть мясо запретит есть, будут одни мослы грызть, – рассмеялся он, – а людей жалко, ишь, из-за такой сволоты люди и пропадают! И так бедствуем, так ещё и более человек повинен, чем природа, одни с войной, другое со злом своим приходят. Меня, как домой отпустили с фронта, уже ничего не удивляет, бывает люд и хуже фашистов, ведь свой же люд, а не чужой, свой! Тем и хуже он – что свой. Тьфу, – сплюнул он и замолчал.

Молчали с часу, каждый думал о своем, а затем запел свою песню мужик, до самой деревни пел. Оттого на сердце у Егорки сделалось тяжело, любил он песни, но ни одной серьезной не знал, только веселые частушки, с какими побирался в городе, с какими плясал, не от веселья, а от голода.

Расстались, мужик обнял сиротку, потрепал за волосы.

–Не могу тебя взять милок, у самого трое детей! Бедствуем, хоть и работаем! Держись, и не робей!

–Хорошо, дядь, – улыбнулся Егорка и пожал огромную

ладонь мужику, как смог пожал.

–Удачи мать! – простился он со старухой.

–Прощай, сынчка! Бог отблагодарит! Будет милостив с тобой! – так они разошлись по разные стороны мира. Тогда и Егорка оставил старуху и двинулся своей дорогой – дорогой в будущее.

Мальчик побрел по новым деревням, которым не было конца и края. Бедным, опустевшим. Его маленькое сознание не понимало – мало ли он прошел, много ли, для него всегда пространство было огромным, хотя он на самом деле и не выходил и за пределы бедственного края, но все же искренне считал, и был искренне убежден, что там, за горизонтом, его ждет новая жизнь. Так думали многие, его окружавшие. К нему прибились другие беспризорники, которых он стал чаще видеть на дорогах, у лесных полян, у рек, в деревнях. Проходившим мимо, или уже побывавших перед ним в домах, в которых всем уж и не могли вынести ничего съестного.

–Ой, милый ты мой, перед тобой приходили уже, все отдали, что могли, ты уж прости! – расстроено оправдывались они, что не могут помочь всем бедствующим.

На дорогах и по оврагам становилось все больше мертвых, окостенелых от голода. Лебеду ещё надо было найти, ракушки мидии были все съедены вместе с воронами, голубями, кошками и собаками.

Оставшееся время Егорка скитался по городам разным, но нигде не мог найти приюта. Товарищи сменялись товари-

щами, которых он больше никогда в жизни не видел. Где они сейчас? Живы ли? Никто не знал. Иные умирали, иные убежали прочь, оставляя бедного мальчика вновь наедине с улицами, или то пыльными, то сырыми дорогами бескрайнего царства.

Старуха померла на дороге, так и не дойдя до дома.

А Егорка впервые ощутил на себе дикость улиц, одичалость и ненависть к чужим крестьянским бездомным элементам, и не от горожан, милиции или образа жизни, от таких же как и он – беспризорников, успевших наворовать, окриминалиться. Доход их был – мелкие кражи, развод на деньги (сбор милостыни), иногда грабежи горожан, складов.

Такие элементы чувствовали в Егорке чужеродность, человека не их круга занятий, и даже конкурента. Сельских они гоняли, если тех было мало, старались выгнать с улиц, нещадно били, но и бывали биты сами.

–Лови его! – крикнул маленький курносый мальчуган, налетевший на Егорку.

Сиротка оттолкнул его, окрикнул своего товарища:

–Состав уходит, догоняй! – он помчался вслед за товарищем, чуть отставая, нагнулся и ловко подобрал увесистый камень и не целясь со всего маху бросил в курносого.

Камень жестко шлепнул по зубам, свалив мальчика навзничь, из носа хлынула кровь, из глаз слезы, зубы посыпались на землю, которые тот старался собрать в ладонь, у него был шок, он не понимал, что ему выбили все передние зубы, в

то время, как деревенские враги его уже цеплялись за уходящий состав, увозящий их в другие края, более далекие – на север.

Вагоны загрохотали и состав остановился на станции. Товарищ разбудил мальчика.

–Вставай Егор! Причалили! – улыбнулся он и растолкал сонного сиротку.

–Что ж ты, Сашка, будишь меня? Что стряслось? – удивился Егорка.

–Причалили, – повторил мальчик и слез на землю, – выходим, а то найдут нас!

–А-а-а! – оскалил зубы Егорка, – вон оно что!

Пробежав под вагонами, кое-где пролезая под колесами, они выбрались на станцию и поспешили спросить у первого встречного, где они оказались.

–В *** городе, в *** районе, а станция называется ***. Отсюда недалеко поля битв, там немцы шли! Да не дошли! Вон какой у нас городишка! Одна воинская слава! – обрадовался старичок.

Тогда мальчики прибились к другим беспризорникам и двинулись с ними на поля сражений. Но это уже другая история!

Глава 22.

"И скрыв от глаз живых, усопшим я долг воздам"

-Время пришло! – разбудил Виктора голос Недоделкина.

Негласно, в тайне, движение в комнате началось. Егорка крепко спал и не подозревал, что за дело ему предстоит, и какую работенку ему припасли компаньоны и новые друзья.

Затея казалась ему в крайнем случае приключением, интересным и немного опасным. Этим она его и привлекало – своим азартом.

Егорка не догадывался, что его жизни угрожает вполне серьезная опасность, и что его доверчивость, в прямом смысле слова, доведет до могилы.

Егорка верил в правдивость речей Григория, верил, что тот был поистине искренним перед ним – мальчиком с чистой душой, считая Григория даже добрым человеком, моментами эмоциональным, но добрым, не способным оставить в опасности беззащитное создание, нарушить устный договор о взаимопомощи.

Поистине, коварство не знает границ!

Егорка ошибся, как никогда.

Ошибки совершают все люди – это сказано в оправдание мальчика. Ошибаться – человеческая особенность. Бывают ошибки, над которыми смеешься, вспоминая их; плачешь, досадуя на себя; на которые не обращаешь внимания; роковые, как бы последние в жизни, своей или чужой – глупости для маленького мальчика.

Человек сожалеет не о совершенном, а о том, что нет воз-

возможности все исправить! Что-то изменить, что-то выбросить, или от чего-то отступить, проявить настойчивость, когда сама возможность выскальзывает из рук и все идет наперекосяк. Человек уже ничем не управляет, в такие моменты.

Последняя же ошибка – о ней сожалеть не приходится, она же последняя! Отнимающая жизнь! Тут либо смерть, либо раскаяние, помимо безразличия, а затем всепоглощающий пустота.

Чем меньше совершаешь ошибок, тем, несомненно, проще жить, спокойнее и безопаснее себя чувствуешь, пусть они и случаются не с тобой, а с кем то другим! Все же чувствуешь дальность опасности! Но на этом ли строится весь жизненный опыт?

Но ничего не делать – бездействие и есть сама ошибка! Движение – жизнь!

Стечение обстоятельств – это такое положение дел, при которых череда событий, ошибок, обрушивается лавиной, сметая перед собой все и вся, падая на голову несчастного. От такого удара человек долго приходит в себя, собирается силами, мыслями, входит в нормальное течение жизни, встанет с колен, находит потерянное, восстанавливает разрушенное – стоит себя заново, или ломается, падает и умирает.

Человек все же способен противостоять непреодолимой силе стечения обстоятельств, но не в одиночку, пользуясь поддержкой и прямой помощью того, кто становится непод-

властной и нерушимой для них стеной.

Егорку подняли. Быстро одели и молча вытащили на безмолвную спящую улицу. Чувствовалась ночная прохлада. Мальчик постарался взбодриться от сна, сделав несколько глубоких вдохов. С общего соизволения компания двинулась к месту, ещё неизвестному сиротке.

Они долго шли, затем свернули на проселочную дорогу, которая привела их к старым кованным воротам кладбища. Над воротами висел лик святой. Над могилами стояла кладбищенская тишина. Егорка легко бы потерялся в большом кладбище, вокруг рассыпались надгробья, плиты и кресты, скрипели кривые деревья. Кладбище ограждало со всех сторон невысокая каменная стена, местами осыпавшаяся и упавшая; совсем недалеко возвышалась церковь, стоящая без купала, с заколоченными окнами и дверьми, словно связанный безмолвный узник, медленно увядающий, уходящий в небытие с каждой упавшей каплей дождя, порывом ветра.

Тропа к церкви заросла, несколько десятилетий хватило превратить не бедный приход в пустые развалины. Церковь попала под влияние времени, и не выдержала его силы.

Заброшенность придавало кладбищу мрачный и пугающий облик, который мгновенно взбудоражил разум Егорки, но кладбище было её рабочим, на нем зияли свежие могилы.

От нарастающего страха ему становилось не по себе, он уже понял, что попал в опасную и неприятную историю, что

примет участие в качестве ключевой фигуры, исход которой был не ясен.

Поймав момент, когда сопровождающие отвлеклись, сиротка сорвался с места и кинулся обратно к воротам, перепрыгивая надгробья, изгороди, что почти побежал до выхода, в темноте споткнулся и упал. Попытка бегства провалилась, его подхватили худые руки, прикрыли рот и потащили в глубь кладбища.

Вторая пара рук тем временем забралась в карманы и вытащила оттуда все монеты, мешок с плеча был вскорости сорван и выброшен в сторону.

Пальца Григория сжимали рот сиротке, так, что тот не мог и звука проронить. Вскоре они пришли на место. К их приходу все было готово – несколько могил разрыто, возле бегал и суетился человек, темный, и в темноте представляющий лишь собственную тень.

Человек насторожился, заметив пришедших, присмотрелся и вскрикнул.

–Что так долго? – возмутился он поздним появлением, их долгое отсутствие его сильно взволновало, – поймали крысёныша? Притащили смотрю, – с отвращением сказал он, произнеся слова, после чего засмеялся глухим хриплым смехом и тут же чахоточно закашлял.

–Простудился, – произнес он, успокоив кашель, подошел ближе, снял с Егорки шапку, откинув прочь, – спускай его в яму, – и показал на разрытую могилу, – сперва в эту!

Мальчика потащили к могиле, он всячески сопротивлялся и упирался ногами в землю, но это не принесло никакого результата, лишь разозлило Григория, и так не на шутку взбешенного, и через мгновение мальчика сбросили вниз. Секундный полет и глухой удар о крышку гроба послышался из ямы.

Егорка замер в неподвижности, осмотрел ночное небо, которое представилось ему жалким могильным квадратом сверху.

Сверху полетел камень, больно ударив в живот.

– Вставай скот! И только попробуй пискнуть, убью! – пригрозил Григорий, после чего спустил вниз лампу и мешок, лом.

Егорка дрожащей рукой подхватил инструмент. Осветил вокруг себя сырые стены ямы, осмотрелся. Под ногами лежал спешно открытый гроб.

Могилка оказалась разрыта небрежно, все делалось в спешке, крышка, уже освобожденная от ржавых сгнивших гвоздей, скрипнула и сползла под легким действием лома.

– Крышку в сторону скинь, и снимай с трупа украшения... кольца, серьги, бусы, ожерелья. Все, что я тебе скажу!

Егорка испуганно всмотрелся в темную фигуру незнакомца, свет от лампы его немного слепил.

– Сволочь! Не понимаешь что ли? Быстрее! – оскалившись закричали на него сверху, после чего сиротка почувствовал легкий удар лопатой по голове, – убью щенка, если не будешь

делать, что скажу! И быстро!

Мальчик повиновался и приступил выполнять свои обязанности.

Отодвинув крышку гроба, он увидел перед собой лежащий труп, раздался запах могилы, от чего закружилась голова и мальчик чуть не свалился с ног. Прикрыв лицо рукавом, все же пришел в себя и нагнулся над костями, пересилил себя, от страха тряслись колени.

–Кольца смотри! – донеслось над головой, кричал Виктор.

Егорка осмотрел пальца, и найдя на одном из них золотое кольцо вместе с серебряным, попробовал их снять

Серебряное поддалось и сразу же оказалось в мешке, золотое не снималось.

–Срежь! – ему тут же скинули ножик и молоток, – срежь вместе с пальцем! Пили его, бей молотком сверху! – мальчик молча поднял нож, осмотрел его и принялся отламывать палец.

–Кольцо не повреди! – на него пристально смотрели сверху, не отводя глаз.

Дрожащими руками Егорка пилил палец, но тот не поддавался, тогда он решил его отрубить и наставил лезвие, взялся за молоток, подложил щепу под упрямый палец. С первого раза не попал и повторил попытку, под ударами кость сломалась, окостенелую плоть он срезал и положил палец в мешок.

Срезал прилипшие бусы с шеи и отодрал их, и тогда с облегчением вздохнул, отпрянув от тела.

–Все снял, сукин сын? – спросил Григорий.

–Все, – ели слышно униженно ответил мальчик, сопя носом.

–Подавай инструмент! Живее! – Егорка собрал все в мешок, погасил лампу и её закинул вовнутрь, оставшись ненадолго в темноте в сырой могиле, ему скинули веревку, за которую он схватился.

Затем его вытащили на поверхность и небрежно толкая повели к следующей могиле.

–Спрыгивай! – крикнули на него и он прыгнул не задумываясь.

Гроб оказался присыпан землей, его пришлось откидывать голыми руками, совать её по углам. Крышка не хотела поддаваться, но гнилые гвозди лопнули, и она отлетала со скрипом.

Так до самого утра, пока не поднялось солнце и туман, сиротка обирал покойников, наконец, настала очередь четырнадцатой могилы. Ужасно замерзнув, Егорка почти не чувствовал пальцев на руках и ногах, инструмент постоянно выпадал из онемевших рук. Все тело дрожало уже не от страха, а от холода, сознание его захватывала могильная тьма и апатия, не оставляя никакой надежды на освобождение.

В глазах сверкнуло от удара, окровавленный, мальчик свалился под гроб, в самую грязь, и затих.

–Убил? – ухмыльнулся Григорий.

–Отребья это заслужило, – выговорил компаньон, – зато

никому не расскажет ничего, нам же лучше. Пусть валяется, долго ему в ней лежать, – он довольно рассмеялся.

–А вдруг не убил? – прикусил губу Григорий, – надо закопать! Чтобы наверняка.

–Это лишнее, уходить пора! Ещё не хватало чтоб нас здесь заметили! Убил же говорю, вон оно, как дал, со всего маху по башке.

–Хорошо, уходим! – донесся голос над могилой и вскоре все стихло.

Заморосил дождик.

Глава 23.

Мальчишки собрались на поле играть.

Их собралось там около ста, разных возрастов. Егорка познакомился там с новым товарищем, с каким стал не разлей вода. Играли вместе, в город бегали вместе. Вместе были в одной команде, играли за красных. Собирали каски, кто советские, кто немецкие, что собирал патроны, кто ружья, кто, что мог, то и волок.

В основном играли в войнушку, в партизан. Игры их очень захватывали, иногда пленили немцев, иногда красных, те и другие отбивались, заигрывались и начиналась драка, но без азарта, без злобы все разбегались по своим точкам, лагерям, утирать носы.

Пленные жили в станах долго, их допрашивали в шут-

ку, выпытывая тайные планы, которые сочинялись на ходу, мальчишки назначали командиров, немцы – офицеров, и начиналось. Но когда им надоедало, то они мирно бродили по полям, подбирая армейские вещички, либо изучая подбитые танки и пушки.

К немцам шли местные мальчишки, или те, которых силой туда отправляли для равновесия сил.

Егорка прильнул с товарищем к партизанам, к таким же сиротам как и они, к красным шли в основном дети старше, и у кого имелись родители, у Егорки – только мать. Дети не видели тяжелых боев тех дней, не осознавали всю скорбь, они росли словно цветы на пепле, не догадываясь о случившемся пожаре.

Жили в землянках, питались – чем Бог пошлет, кого-то посылали за пищей в город, кого-то по деревням и по окрестностям.

Местные ведали о детях, и страшились, кабы чего худого не вышло от таких игр.

Однажды партизаны собрались на задание – похитить немца, привести языка и забрели в неизученные места боя, где стояло множество подбитых танков, копченных, сожженных, либо пробитых насквозь.

Товарищи поделились между собой, и принялись обыскивать танки. Егорка отвлекся, отвернулся и было хотел что-то поднять, как вторая группа, из трех мальчишек вместе с товарищем его взорвалась на mine, ничего от них не оставив,

разметала их по сторонам, как пыль.

Испуганные мальчишки пустились на утек, вернувшись, увидели военных гоняющихся за сиротой, бегущих к взрыву, иных уводящих их товарищей к грузовикам, оцепивших поле. Пришлось пробираться в город, где Егорка, чувствуя потерю и страх, решил не оставаться, и ехать, куда глаза глядят.

Тогда Егорку и поймали военные, допросили и отвезли в приют, из которого он бежал, сам не зная зачем, скорее всего прознав о том, что имеющих родных отправляют по домам, а домой он вернуться не мог и не хотел, к голоду, сырой и холодной избе, к серой похлебке.

Егорка встал, обошел костер и прильнул к спящим, оставив стариков обсуждать им рассказанное, он так утомился от рассказов, что больше не мог и языком пошевелить, утомленный – уснул навзничь, укутавшись и прижавшись к таким же как и он, чтоб было теплее.

Глава 24.

Кладбище стояло безмолвно, по надгробным плитам шелестели листья, стучал ноябрьский холодных дождь, аукал сквозняк между крестов.

Разрытую могилу немного затопило и Егорка оказался в холодной луже. От ощущения нестерпимого холода, сиротка открыл глаза, приподнялся из воды, смешанной с глиной и прахом, застонал. Его бросило в болезненную дрожь. В го-

лове звенело и стучало, она вымокла, на лице застыли за-сохшие капли крови. Руки и ноги онемели, и потребовалось время, что бы согреть их и привести в работу. Болело и ныло в груди, мальчик хрипло закашлял, стараясь укутаться, спастись от холода и сырости, но не мог, вся одежда его про-мокла до нитки.

На небесном квадратике, сияющем у него над головой, плыли свинцовые облака, роняя капли на холодную раскис-шую разрытую землю. Егорка не представлял, сколько точно он провалялся без сознания в яме.

– "Жив", – подумал он, – "пока ещё жив... Всего лишь сон, это сон", – он встал, ощутив стенки могилы, затем свернулся в комочек и сел в угол, стараясь согреться, но тепла в теле уже не было. Голос пропал, невозможно было и звука подать, молить о помощи. Да и кто бы его услышал, среди могил? На давно заброшенном и богом забытом кладбище? Так он, по крайней мере, думал.

– "Может сплю, проснуться, проснуться бы", – Егорка вздрогнул, почувствовал жжение в груди, нехорошее, горя-чее.

– "Умру, никто не найдет", – он встал, вспомнил о своих последних крохах, которые выкинули, как сор, и расплакал-ся, последнюю надежду его изничтожили, последние крохи сироты.

Он плакал взахлеб, глотая ртом воздух, которого ему не хватало, и немного успокоившись, стал думать о том, как ему

выбраться.

Стены могилы размокли от дождя и представляли собой скользкую вязкую глину. Егорка попытался ухватиться, но не за что было удержаться. Сообразил небольшие ямки для ног, но мягкая глина не выдержала и отвалилась, сползла, как дрязга.

– "Не выйдет", – решил он, и отступив в сторону почувствовал под ногой крышку гроба. Она оказалась скользкой и гнилой. Мальчик поднял её и прислонил одним краем к нижней части гроба, к ногам трупа, так, что та встала в высоту почти до самого верха.

– Попробую, – и полез наверх, но соскользнул и рухнул вниз, – скользко то как!

Попробовал найти утонувший нож, Егорка взмолился, и принялся с большим биением, с судорогами и бешенством, как в последнем пылу взбираться на доску.

Преодолев несколько попыток, мальчик все же взобрался наверх, но оказался перед новым препятствием – наваленной кучей рыхлой и мокрой земли. Отяжелевшая и сырая одежда стянула мальчика назад, и он вновь с грохотом упал в сырую могилу, на сей раз затих и заплакал.

Он осмотрелся, могила показалась ему домом, тёплым, воздух не жгучим легкие.

– Кто здесь? – донеслось сверху, Егорка прохрипел, у него не было больше сил для борьбы.

– Ого, вот это дела! Как разрыли то! А это кто? Кто там?

Живой, эй мальчик? – но Егорка замолчал, его глаза уже были закрыты, а разум окутывал мрак горячки, уносивший его в свои чертоги предсмертных страданий.

–Замёрз, замерз видать, как же так то? Как ты туда попал-то, я сейчас, сейчас! – старик сорвался с места и убежал, и вскоре спустил небольшую лестницу, спустился и сняв с себя ватник укутал мальчика, – лишь бы живой был, господи, замерз.

Глава 25.

Старик Федор Михайлович был человек с чистейшей совестью. Проживал он в пятидесяти шагах от кладбища, в старом покосившемся домике, и так привык к могилам, что ни чуть не боялся разгуливать меж ними ночью. Федор проживал в полном одиночестве, сюда он перебрался после войны, когда овдовел. Тем и жил, что работал могильщиком, и дворником. редко посещал город, и был сильно беден. С годами становясь все больше отшельником, стараясь держаться от сует мирских в стороне.

Федор ещё до войны потерял сыновей, один умер от тифа, другой пропал без вести, жена его, Марья, которую он безумно любил в молодости, умерла в муках. Затем Федор лишился и сестры. Может быть, поэтому старичок и решил ухаживать за чужими могилами, обретя в этом смысл жизни.

Иногда разговаривая с усопшими, сам готовясь покинуть

сей бранный мир.

–Знаешь, мне сегодня сон снился, стоя я, значит, в окно смотрю, а там такие краски! Краски, закат такой, просторы какие и рожь, леса вдали, реки разлились. А я как бы сверху смотрю, как будто сижу, как солнце заходит смотрю, и понял я, что это не солнце, а жизнь моя уходит. Чувствую, руку мне кто-то положил на плечо, оборачиваюсь, а это Марья моя, и спрашиваю у неё. Чего ты Марья, пора, да? А она так кивает не утвердительно, мол нет говорит, а сама молодая такая, и такой молодой, руки сильные, хочу подхватит её, а не могу, сил нет и падаю куда-то.

Смотри какой закат, Марья мне говорит. У нас такие же, а я руку так сжал, что боль, боль почувствовал и проснулся я тут, старый, немощный. Вот и зашло моё солнышко... И грудь так заныла, помру думаю, помру скоро. Тяжело мне одному, нет больше сил у меня.

Чуть затронешь сердечко то и всё вспоминается.

По краю хожу. Помню как Женечку нянчил, а сейчас и его нет, во сне вроде легче, а проснёшься, тоска. не выносимая. Зачем Марья меня не пускает? Зачем говорит что рано ещё? Одного мне вашего согласия нужно.

Глава 26.

В эту ночь проснулся старик с плохим чувством на душе, он не мог заснуть, и все какая-то неведомая тоска гнала его

на могилы, и он пошёл.

Федор, задыхаясь нес мальчика на руках, в тепло. Их у входа встретил старый пес на привязи.

–Свои барбос, – крикнул ему старик, но пес и не думал пошевелиться. Старик занёс беспризорника в дом, уложил на печь и снял мокрую одежду, укутал в свой старый дырявый ватник,

Мальчик пролежал в горячке пять дней, и до того истощал, что и так выпирающие ребра, стали почти просвечиваться через кожу. Федор вызывал врачей, лечил мальчика травами, врачи кололи мальчику лекарства и не рискнули тревожить его и переносить, назначили лекарств и прописали постельный режим.

На шестой день мальчик открыл глаза и начал кушать, на седьмой он приподнялся с постели. Егорка ели-ели стоял на ногах весь месяц, чувствую слабость. Раны зажили, но кашель не покидал его.

Мальчик постепенно приходил в себя и начинал улыбаться Федору, рассказывать о своей жизни. Приходили следователи, записывали слова Егорки о мародерах, но поиски их оказались безуспешными, бандитов и след простыл.

Постепенно старик привыкал к мальчику, и начинал видеть в нем внука, хотя денег едва хватало, старик и не думал спроваживать беспризорника за дверь.

Мальчик в свою очередь сам привязался к старичку и старался всячески ему помочь. Они любили слушать друг дру-

га, и так два доверчивых и одиноких сердца сошлись.

Иногда старик долго смотрел на мальчика, о чем-то думал, широко открыв глаза, и тяжело дышал, голову его наполняли мысли, воспоминания. Казалось, в глазах его шевелится угасающая жизнь, совсем тонкая и прозрачная, но негибаемая и прочная, как струна. Это светилась его душа, давно поникшая и потерявшая смысл, вдруг отпрянула ото сна и воскресла, чтобы воспламениться перед угасанием навечно. Старик начинал верить, верить в чудо жизни, которая, как ему казалось, сошла на нет, которой вдруг не стало после всеобщего тотального горя и войны, но вера эта его согревала, он верил, что жизнь, словно родник, пробьет толщу земли и вырвется наружу, даря жизнь, даря свою энергию окружающему миру. Мир, хрупкий, казалось бы разрушенный окончательно, выстоял, и лишь надежда старика, давала ему волю к жизни, волю к горению и борьбе. Он понял, что пока на свете есть такие маленькие дети – ещё ничего не потерянно.

Вместе они прожили до февраля, как одним морозным утром старик умер, во сне у него остановилось сердце.

И вновь злой рок погнал беспризорника по холодным улицам, вокзалам и переулкам.

Глава 27.

Серые однообразные дни на улице вновь вернулись к

Егорке, их омрачала зима.

Утром мальчик вновь, как обычно отправился на вокзал, который шумел и манил этим шумом беспризорников. Это было одно из тех утешительных мест, которые казались самыми живыми, в них происходило постоянное движение вперед, и гремящие поезда тянули за собой прогресс.

Мимо проносились груженные составы, и одни из таких составов, скрипя, остановился. С него спрыгнул знакомый беспризорник, который сразу попался на глаза Егорки. Они вновь сошлись, и обосновались около пекарни.

Когда пекарь отлучался от дел, мальчики перелезали забор и собирали с помойной ямы съестные кусочки, так происходило раз за разом, пока однажды их не заметили.

Пекарь ненавидел их, вшивых и грязных бездельников, он говорил, что их нужно всех истребить, очистить союз от этой пакости.

Ему было наплевать на их невинность, он до этого не думывал.

Притаившись, он ждал удобного момента, и вот, в самый морозный день, он ловко выскочил из засады и схватил Егорку, потащил в пекарню и засунул целиком мальчика в отмокающую от теста бочку, а затем, грубо и небрежно выбросил, как мешок с мусором, через забор на мороз.

–Вкусные харчи? Теперь и водички попей, – кричал он, когда топил мальчика.

Усмехнувшись, он захлопнул дверь со двора и скрылся.

Егорка стоял неподвижно, не зная, что ему делать дальше – его ждала смерть, начал идти пар, сначала было тепло, но ветер уносил это тепло и мальчик стал замерзать, он рыдал, на коже его замерзали капли.

Егорка сел, и ждал.

Из-за угла показался друг с мужчинами.

Мужчины подошли к Егорке и раздели его, обернув в снятый с плеч ватник.

– Маленький и легкий, – сказал самый старший.

– Это где ты так промок? – спросил его второй мужчина.

– Это его пекарь, пекарь так, – кричал второй мальчик.

– Ааа... ну он за это ответит, мы на него донесем! – улыбнулся первый, – ничего, жить будешь, здесь недалеко идти.

– Этот дурак, и правда его на мороз выбросил? Он ненормальный, он же убил бы его!

– Ему-то что, думал с рук сойдет, не сойдет теперь.

Они зашли в низкое здание, пожарную часть, и развесили белье Егорки, самого растерли водкой и напоили чае вместе с его другом.

На следующий день к пекарю пришли следователи и увели его.

Глава 28.

Недоделкина поймали на границе с Узбекистаном, он пытался выехать из союза. При нем нашли поддельный паспорт,

деньги и драгоценности.

Он посылал проклятия, ругал власть, мир, изливал ненависть на недоумевающих пограничников. Затем его опознали, допрашивали и приговорили к большому сроку и отправили с Сибирь, где он сошел с ума, он гадил под себя, у него случались приступы, выяснилось, что он болен туберкулезом, лечение не помогало, и вскоре, природа наградила его инсультом, отказали почки и он умер. Его поделщик отравился некачественной водкой, его нашли мертвым, третьего мародера так и не отыскали, он скрылся. На этом и закончилась философия Недоделкина, превратившись в ничто, всем своим небытием показал все ничтожность существования человеческого зла.

Глава 29.

Спина жгла.

На коже появились небольшие волдыри, вот-вот готовые прорваться под грязной одеждой, кипятик почти снял шкурку с лопаток, мальчик немного ошкварил спину и огненным чугуном, от которого остался красный след. Все это месиво нетерпеливо присыхало к тряпью, одергивание которого вызывало неистовые боли и жжение, и вместе с ними и возмущение в адрес сестры-предательницы.

Мальчик уже не верил ей, не верил её лживым речам, которые терпел тогда, когда волок соль, и истощенный побив-

рался по той нищей деревни, чтобы в один момент лишиться всего, кроме тухлого куска хлеба, который даже та мерзкая тетка побрезговала взять. На сей раз сестра поиздевалась над ним сполна! Как она заливалась звонким смехом, даже не подумав помочь ему, чуть не погибшему под кулаками и плетью злого разъяренного мужика. Вспомнив все это – он расплакался, по щекам его текли соленые слезы, но он сдержал себя, утерся и поднял нос – все-таки он же взрослый, как и его отец!

Дорога от этого становилась невыносимо скучной и тусклой, воспоминания мучили его, кроме них не на что было опереться, мальчик ещё не научился мечтать, он так ещё плохо знал этот мир! Взрослый мир, где живут взрослые, жестокий мир, грубый, казавшийся ему таким теплым в его первые осознанные годы детства, и такой серый и чужой сейчас! Без защиты, без поддержки, в круглом одиночестве наедине с собственными неокрепшими мыслями.

Было пройдено в кратчайший срок несколько деревень, где подавали скудно, на пару дней пропитания, так сказать, подразнить червячка, в иных гнали с избы, с матом, с палками, в иных добрые люди приютили сиротку у печи, кто в хлеву со скотиной.

Старики рассказывали сказки, прибаутки, шутили, но голодали, даже от этого в иных людях не пропадало жизнелюбие и человеколюбие. Опустошенные войной края мальчик старался избегать, они нагоняли в его сердце скорбь и страх,

ему было уютнее на родных просторах, спать под родными березками, в безмолвной тишине скитаться от деревни к деревне, иной раз кланяясь попутным встречным нищим или крестьянам. Иногда проезжали грузовички, которые сиротка провожал любопытным и радостным взглядом. Какой радостью было для него увидеть гудящий грузовик! Были бы силы, он бы пустился за ним в погоню, стараясь не отставать, как пару лет назад с братьями!

Так шли дни, все сильнее грызли вши, сильнее распухла спина, раны сохли, лопалась корка, становилось все прохладнее, о доме уже не думалось, он стоял в памяти последним прибежищем, таким далеким, до которого уж невозможно возвратиться. А ветер все гнал, да гнал вперед заплутавшего в чужих краях мальчишку.

Нигде ему не было родного гнезда, ничто не могло заменить ему родной дом, никто не мог заменить родную семью, мать и отца. Сиротка не оставался у добрых людей, а шел дальше, как будто взрослый странник, живущий в сердцах других одним днем.

Добрые люди подсказывали дорогу, направляли, вели в места более изобильные, но изобильными те были лишь на устах их, и в умах тех, кто всегда считал, что хорошо там, где их нет, где-то там за горизонтом всегда живет лучше, чем им бедным. Наверное, к слову сказать, то была великая надежда на лучшее, которое лежит за горами, да за реками.

Крестьяне выживали и жили, положение их улучшалось,

улучшалось положение рабочих, только улучшение все ещё не касались людей пущенных по миру, до них ещё не доставали лета, не доставали ослабленные от войны трудовые руки народа.

Начались железнодорожные станции. Пройдя немалый путь вдоль рельс, сиротка зацепился за проходящий мимо состав. Его не интересовало куда тот его увезет, лишь бы быть в пути! Лишь бы ехать, смотреть, как проносятся мимо деревья, кусты вдоль шпал! Скорость его радовала, она его гипнотизировала своей бесконечной однотонностью природы.

Пришло время сойти.

Поспрашивав у местных о других краях, куда ходят поезда, узнал, что поезд идет через город ***, и проходит мимо яблоневых садов, когда-то посаженных дворянином ***, теперь же принадлежащих советскому народу, откуда их вывозят составами, собирают рабочие дружной семьей.

– Да, вагонами везут их туда вон, – человек махнул рукой, на Москву ль, – раньше было больше! Сейчас-то, пара вагонов всего! Иной раз сыпется прямо сверху, поезд пронесется, можно подобрать, но кислые, кислые яблочки, но хороши-то как! А ты чей есть? С каким краев? И не страшно тебе маленькому по белу свету скитаться? – удивился милый пожилой человек, улыбающийся, но ничего не имевший при себе.

– С этих, – сиротка сказал откуда он, и вкратце рассказал о минувших днях.

—А-а, далеко, ну ты езжай в ту сторону, не спутаешь, он там останавливается на станции ***, как сады пойдут вдаль, увидишь, яблони они раскидистые, невысокие, и в глубь иди, но смотри не попадись, могут и сторожить их! Хотя уж и сезон прошел, поздно ты, это, сюда приехал. Прощай!

—Спасибо дядь! — отблагодарил мужика сиротка и браво двинулся в путь.

—Бог в помощь! — помахал мил-человек к ответ.

Прислонившись зудящей спиной к холодной стене грузового вагона, мальчик вскоре уснул, очнувшись на *** станции от гудка и грохота составов, сошел и двинулся вдоль посадок, и правда, яблоневых садов. В пути его немного растрясло и продуло сквозняком из щелей, так, что вскоре зашмыгал носом и озяб, от чего сильнее согнулся к земле.

Сады обезлюдели, деревни стояли вдалеке, за садами, дороги пустовали, и сиротка по пути не встретил ни одной живой души. Деревья окружал высокий частокол, а возвращаться назад, да так далеко в то место, где было не огорожено мальчик не захотел, день тем временем склонялся к вечеру.

Маленькие ножки шмыгали по обрюзгшей колее. Таким одиноким он себя почувствовал в этой дали от дома, в этой глуши, что тоске не нашлось уж место в его маленькой душе, он взглянул на небо, которое едва заволокло серыми холодными тучами, и свернул в бурьян, отбросил его руками и приблизился к частоколу.

Частокол издали пугал мальчика больше, чем в полумет-

ре, сиротка схватился за брус и полез наверх, едва сползая вниз, добрался вершины и шатаясь, держа равновесие уселся и осмотрелся.

Глаза его расцвели, он сидел так высоко, что даже сам испугался, но почувствовал себя царем этих садов, полных яблок, как ему казалось, осмелел.

Чуть наклонившись, спрыгнул. Послышался хруст под ногой, которая провалилась в какую-то грубую неглубокую яму, а затем последовала острая боль.

Сиротка закричал от боли, перевернулся на бок и вытащил из ямы ногу, которую пронзил насквозь, да вдоль, острый кол волчьей ямы. Окровавленный конец его торчал почти у самого колена, пронзая плоть, из которой текла свежая кровь.

Когда шок от испуга прошел, нога заныла, а мальчик заливался слезами и кричал, моля о помощи, но никто не откликнулся на его мольбу.

Встать – оказалось пустой затеей, он упал, едва задев торчащий кол о траву, скрючился от боли, а лежать – опасной затеей, тогда перевернувшись на другой бок, чтобы торчащий конец не чиркал о землю, да не цеплялся чего зря, пополз, лишь бы выбраться из проклятого сада, имеющего все претензии стать ему могилой!

Аккуратно перекатился через роковой ров, прощупывал частокол трясущимися пальцами, который через добрый километр дал слабину – в нем оказалась достаточно большая

цель из-за упавшего гребня.

– "Не дошел то совсем немного"! – подумал мальчик, – "покушал яблочко".

Запыхавшись, с треском и ужасной болью, едва не потеряв сознание, мальчик втиснулся в щель, стиснув зубы так, что они затрещали не хуже частокола, осторожно продел покалеченную ногу, и вскоре выполз на дорогу, которой не было уже начала и не виделось, к тому же, конца.

После очередного километра, надежда отпала и уставший, да обессиленный сиротка, уткнувшись в холодную землю лицом, уснул, оставив за собой лишь кровавый след, по капле вытекающей крови.

Его сознание в очередной раз поглотила темнота, и сны, в которых он играл роль наблюдателя со стороны, захватили его, унесли куда-то в другие миры. Они избавили его от боли, от той усиленной, но тщетной битвы за жизнь.

Тихие яблоньки также шумели падающими увядающими листьями, а солнце едва рассвело тускло над горизонтом, и скрылось, оставив безжизненного сиротку во тьме.

Конец.